

Въ дорогѣ.

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, д. Обидиной.
1902.

№ 2392

Шарлотта С.

Въ дорогѣ.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, д. Обидной.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 20 сентября 1902 г.

* *
*

Уже смеркалось, когда мы взопли въ густой, тѣнистый паркѣ. Это было 3 Августа 1891 г. послѣ освященія церкви въ с. Пелбалгѣ. Сквозь зелень липъ виднѣлся бѣлый каменный домъ хозяина. Двѣ пушки красовались у его балкона. Мы спустились по извилистой дорожкѣ, которая вела къ полуразрушеннымъ ступенямъ. Отсюда виднѣлась круча. Ясно доносился до насъ неумолкаемый шумъ рѣки. Все ниже и ниже спускались мы по ступенямъ и наконецъ очутились на берегу быстрого, стремительнаго потока, на днѣ уакой и таинственной долины. Потокъ вытекалъ откуда-то изъ чащи лѣса, съ пѣною, шумно пробиваясь камнями въ глубокой тѣснинѣ. Надъ водою нависли скалы, надъ ними стройно возвышались деревья. Ночныя тѣни уже скользили по крутымъ берегамъ...

Быстро, другою дорогой, поднялись мы опять по ступенямъ и внезапно очутились на обрывѣ,

гдѣ надъ висячею скалою устроена крытая бесѣдка, а подъ нами шумѣлъ все тотъ же потокъ. Отсюда видно было все его теченіе. Со всѣхъ сторонъ лѣсъ, а впереди раздвинувшіяся деревья образуютъ широкую просѣку; въ глубинѣ ея на синемъ ночномъ небѣ отчетливо отражались очертанія скалъ, а надъ нею развалины древняго замка. Вдали тянулась свѣтлая полоса Двины. Полная луна озаряла всю окрестность, лѣсъ и замокъ и быстрый шумящій потокъ. Словно волшебнымъ, показался намъ этотъ старый замокъ; онъ промелькнулъ на мгновеніе и тотчасъ же скрылся. Въ настоящее время это имѣніе Левенштерна. Этотъ замокъ, давно разрушенный, когда-то былъ знаменитъ. Нѣмцы называютъ его Kokenhusen. Для насъ это Кукейность—древняя передовая твердыня князей Полоцкихъ...

Кусково, 9 авг. 1891 г.

* *
* *
* *

Давно хотѣлось мнѣ побывать въ Краковѣ, этомъ древнемъ городѣ, центрѣ Польской народности, гдѣ поляки не самозванные хозяева, а подлинныя, гдѣ они дома и гдѣ можно къ нимъ относиться съ болѣе спокойнымъ

чувствомъ. Тѣмъ любопытнѣе прослѣдить за біеніемъ жизни въ этомъ исконномъ Польскомъ гнѣздѣ, гдѣ сосредоточены и памятники польской исторіи, польской литературы и польскаго художества.

Къ этому чувству общему, примѣшивалось и личное—видѣть тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда бывалъ Петровскій посоль Б. П. Шереметевъ, гдѣ столько въ теченіе многовѣковой жизни Кракова было соприкосновеній съ Русью отъ временъ древнѣйшихъ, когда Кіевъ и Краковъ считались не только сосѣдствомъ, но и дружбою, и родствомъ.

Всего болѣе привлекала меня въ Краковѣ усыпальница Польскихъ королей отъ временъ пястовъ и до Іосифа Понятовскаго, на своемъ древнемъ историческомъ холмѣ Wawel—„на Вавелу“, какъ говорятъ Поляки.

Мы прибыли въ Краковъ поздно вечеромъ и остановились въ бывшемъ домѣ Чарторыйскихъ, нынѣ обращенномъ въ гостиницу.

Краковъ требуетъ строгаго и не поверхностнаго вниманія и изученія. Намъ, русскимъ, въ особенности не слѣдуетъ имъ пренебрегать. Чѣмъ болѣе чуждаемся мы другъ друга, тѣмъ хуже для двухъ сторонъ, и это систематическое избѣганіе ближайшаго взаимнаго

изученія производить какое-то странное впечатлѣніе. Словно предчувствуется, что ближайшее знакомство, ближайшее изученіе прошлаго двухъ связанныхъ другъ съ другомъ народовъ можетъ поколебать многое, основанное на преданіяхъ, раздутыхъ литературою и художествомъ, и процвѣтшихъ за послѣдніе два вѣка на основѣ глубокой вражды. Обѣ стороны словно неохотно и опасливо приступаютъ къ познанію другъ друга, по былинамъ, сказаніямъ и лѣтописямъ стараго времени.

Для желающихъ же трезво и спокойно заняться своимъ прошлымъ, допытываясь ключа къ разумѣнію настоящаго и его односторонняго развитія, нельзя не пожелать, какъ можно большаго знакомства и сближенія на почвѣ исторической, документальной...

Время это еще не вполнѣ настало.

Центръ народнаго Кракова это—гупок, центръ „интеллигентнаго“ Кракова — музеи Ягеллоновъ и Чарторыйскихъ. Центръ историческаго Краксса—замок на Waweli.

Мы начали съ перваго.

Зданіе „рынка“ характерное, средневѣковое, съ широкимъ крытымъ коридоромъ внутри, по сторонамъ котораго лѣплятся лавки, по боль-

шей части жидовскія. На высокихъ сводахъ зданія изображены гербы всѣхъ частей бывшей „Рѣчи посполитой“, между которыми не безъ удивленія можно видѣть красное поле съ двумя бѣлыми крестами, стягъ города Гданска и потомства Андрея Кобылы (herbu Prus). При видѣ же, вслѣдъ затѣмъ, гербовъ Чернигова и Кіева, странное чувство испытываешь съ сознаниемъ известной ходульности при полномъ отсутствіи безпристрастія.

Въ воздухѣ сразу повѣяло дурманомъ, постоянно поддерживающимъ состояніе возбужденности и притомъ въ личинѣ, особенно подстрекательной.

Начиная съ мѣста на площади, на которомъ постоянно лежитъ вѣнокъ съ надписью, что здѣсь была присяга Костюшки, что это мѣсто его будущаго памятника, все то же впечатлѣніе преслѣдуетъ и далѣе.

Вокругъ Площади рынка рядъ магазиновъ и на двухъ концахъ людное гулянье, на тротуарахъ подъ известными нумерами.

Подъ ними обозначены улицы, не носящія другого названія. Невольно остановишься передъ иными магазинами. Патріотическіе признаки здѣсь бросаются въ глаза, словно

возстаніе 1863 г. только что окончилось и населеніе ни на шагъ еще не подвинулось послѣ всѣхъ многообразныхъ испытаній.

Все тѣ же наивныя подчасъ возванія, тѣ же революціонныя косы и бѣлые орлы съ свирѣпыми глазами и когтями, та же Божія Матерь, возведенная въ санъ „польской королевы!“ Вся эта старая quasi-патріотическая дребедень, въ своей обычной и полнѣйшей неприкосновенности! Искаль я въ магазинахъ русскихъ книгъ и не нашелъ ни одной нигдѣ.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвело на всѣхъ насъ посѣщеніе историческаго замка на Waweli

Самый видъ его внушительный, на горѣ господствующей надъ Вислою, съ видомъ на окрестность, на гору „Костюшки“ и на Русскую границу, которая всего въ нѣсколькихъ верстахъ.

Нашъ проводникъ добросовѣстно намъ все показывалъ и провелъ сначала въ усыпальницу; къ сожалѣнію, по случаю передѣлывающагося и обновляемаго храма, мы не могли получить полнаго впечатлѣнія всего „некрополя“; многія гробницы закрыты и ходъ задержанъ, но мы могли подойти къ могиламъ

последнихъ королей, начиная съ Великаго Казиміра. Мнѣ особенно было интересно видѣть гробницы тѣхъ королей, имена которыхъ такъ часто повторяются при изученіи извѣстныхъ памятниковъ XVI и XVII вѣковъ: Сигизмундъ II Августъ, Стефанъ-Баторій, Сигизмундъ III, Владиславъ, Казиміръ, Янъ Собѣсскій и пр.

Мы были не одни; съ нами шли и другіе путешественники и между ними полякъ съ своимъ сыномъ, ребенкомъ очень милымъ, ласковымъ и любознательнымъ. Пока переводчикъ давалъ намъ поясненія, отецъ что-то объяснялъ въ свою очередь ребенку. Нельзя было не сочувствовать такому настроенію обоихъ и желанію ихъ узнать свое славное прошлое: это черта почтенная, привлекающая къ себѣ сочувствіе. Мы примкнули къ этому ребенку и слѣдили за нимъ, сожальѣя, что дома у насъ, въ Россіи, подобныя проявленія рѣдки, очень рѣдки...

Долго стояли мы передъ могилой Стефана Баторія, „Оботура“ нашихъ лѣтописей, доблестнаго соперника Грознаго царя, а на могилѣ Владислава бросается въ глаза надпись: „Обронный царь Московскій“.

Длинный перечень гробовъ заканчивается Еаддеемъ Костюшкой и Иосифомъ Понятовскимъ...

Особенно любопытенъ старый замокъ съ дворомъ и крытыми ходами вокругъ—историческій памятникъ, донинѣ находящійся въ полномъ и оскорбительномъ небреженіи. Насъ упрекаютъ охотно въ разореніи польскихъ памятниковъ, въ похищеніи вещей, но и увезенныя вещи давно хранятся въ почетѣ и въ порядкѣ. Здѣсь же въ хваленной Австріи, на которую поляки еще возлагаютъ столько надеждъ, невниманіе къ историческому польскому памятнику достигаетъ размѣровъ, доходящихъ до цинизма. Такъ, весь замокъ обращенъ въ грязную казарму; въ комнатахъ королевы Ядвиги, на примѣръ, на выступѣ замка съ прекраснымъ видомъ вокругъ, спятъ музыканты, стѣны заллеваны и загрязнены. Такое отношеніе явно оскорбительно. Впрочемъ, теперь говорятъ, будто замокъ обратится въ національный польскій музей. Это, конечно, лучшее для него назначеніе, но гдѣ будетъ мѣсто такому музею, когда, какъ утверждаютъ, главная часть зданія обращается въ дворець для австрійскаго эрцгерцога, имѣющаго постоянное пребываніе въ Краковѣ?

Это—уступка и заигрыванье съ поляками новейшей формации, и они пока вѣрятъ этимъ обѣщаніямъ.

Музей Ягеллоновъ—это зданіе изящное, съ древнимъ богатымъ собраніемъ, которое пришлось осмотрѣть очень бѣгло; но рукописи въ витринахъ привлекательны; вообще же все производитъ внушительное впечатлѣніе—и серьезное, могъ бы я добавить, если бы не портили общаго настроенія недостойныя школьническія выходки дешеваго патріотизма.

Такъ, на стѣнѣ сдѣлана надпись на русскомъ языкѣ: „Здѣсь запрещено говорить польски!“ На выраженое удивленіе, мнѣ объяснили, что это копія съ надписей, сдѣланныхъ когда-то въ Вильнѣ при Муравьевѣ. Но муравьевскія распоряженія относятся ко временамъ открытаго возстанія, когда дѣло шло не о формахъ вѣжливости, а о тушеніи пожара, слѣдовательно такое остроуміе въ Краковѣ—весьма сомнительнаго свойства...

Тѣ же надписи повторяются и въ Львовскомъ музеѣ Оссолинскихъ.

При осмотрѣ зданія, нельзя не привѣтствовать сочувственной мысли о постановкѣ памятника Копернику, уже вполнѣ законченнаго и очень изящнаго. Возстановляя память о подобныхъ людяхъ, нечего опасаться „крови“.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ національная картинная галлерей. Она помѣщена въ отдѣльномъ зданіи и интересна, несмотря на свою явную односторонность. Преобладающія картины художника Матейко придаютъ галлерей острый, вызывательный характеръ. Пламенный художникъ въ своемъ клокочущемъ воображеніи взялся путемъ историческихъ картинъ будить поляковъ и поддерживать въ нихъ жажду мщенія, возмездія. Его картины — проповѣдь возстанія. Художественное значеніе ихъ можетъ подлежать спорному опредѣленію: тускляя краски, натяжки и одностороннее освѣщеніе историческихъ событій, примѣняясь къ цѣлямъ автора, слишкомъ очевидны. Но кисть Матейко видимо достигаетъ своей цѣли..

Музей Чарторыйскихъ примыкаетъ къ послѣдней сохранившейся башнѣ Краковской крѣпостной стѣны. Эта башня съ воротами очень типична и составляетъ предметъ славящаго и понятнаго почитанія.

Входъ въ музей не бросается въ глаза, но когда вы вступаете въ него, то чувствуете сразу воздухъ, пропитанный пороховъ.

Собранія интересны и видимо подобраны съ страстнымъ чувствомъ ревнителя извѣст-

ныхъ преданій и представителя древняго историческаго рода, нѣкогда православнаго, но отрекшагося давно и съ XVII вѣка, подобно другимъ, обратившагося въ представителя иного теченія, но уже не древне-литовскаго, какъ бы слѣдовало потомству Гедимина! Имя Чарторыйскихъ—опредѣленное знамя, и это чувствуется безъ словъ.

Жаль, что нигдѣ не могъ я добыть каталоговъ и описей; нѣтъ справочныхъ книгъ, а для путешественниковъ это особенно желательно. Въ музеѣ подается книга для подписи посѣтителей. И здѣсь, какъ и въ прочихъ музеяхъ, чувствуется замкнутость и опасеніе, путемъ сношеній, умалить узкое польское значеніе политическаго учрежденія, именуемаго музеемъ Чарторыйскихъ.

Впечатлѣніе Кракова осталось бы не полнымъ, если бы мы не посѣтили тамъ театра. Зданіе небольшое, но изящное. Занавѣсъ прекрасной работы Семирадскаго; ею всѣ любятъ, ею хвалятся, и вполне справедливо.

Мы сидѣли въ ложѣ бенуара и испытывали своеобразное одиночество въ чужомъ городѣ, среди незнакомыхъ людей, въ невѣдомомъ и чуждомъ обществѣ. Давали пьесу „Вајка“. Играла извѣстная артистка Пржибылко (Przy-

буiko). Несмотря на трудности языка, намъ мало доступнаго, мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за представленіемъ, ради изумительно совершенной игры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Но въ особенности хороша была Przubyiko, оставившая на зрителей сильное впечатлѣніе.

Этимъ театральнымъ вечеромъ въ Краковѣ закончили мы наше пребываніе. Побывали мы и въ Величкѣ, въ соляныхъ шахтахъ весьма богатыхъ, но уступающихъ нашимъ Бахмутскимъ, а затѣмъ покинули Краковъ по пути въ Львовъ и къ русской границѣ.

Впечатлѣніе Кракова осталось цѣльное и опредѣленное... Жаль, что нельзя было внимательно ознакомиться съ памятниками минувшей многовѣковой исторіи народа польскаго, намъ родственнаго и близкаго, несмотря на всѣ преграды, созданныя временемъ и, прежде всего, роковымъ „недоразумѣніемъ“ 1606 года.

* *
*

Странное и грустное впечатлѣніе производить Львовъ на русскаго человѣка, которому извѣстно прошлое родной земли и котораго

не подкупишь блестящими рѣчами представителей родственныхъ намъ и, къ сожалѣнiю, непримиримыхъ враговъ.

Въ настоящее время, однако, слышатся голоса примирительные, высказываются пожеланiя сведенiя на нѣтъ всего вѣкового спора сосѣднихъ народностей. Но помышлять о примиренiи не равносильно ли срѣзанiю вѣтвей, при наличности неприкосновеннаго корня? Спорить на тему примиренiя или на тему невозможности примиренiя совершенно бесплодно. Обѣ стороны не могутъ не относиться къ вопросу пристрастно, обѣ стороны судятъ по итогамъ трехъ послѣднихъ столѣтiй, и съ этой точки зрѣнiя обѣ стороны правы. Но если углубиться въ вопросъ и прослѣдить за нимъ до корня, то мы придемъ къ убѣжденiю, что обѣ стороны никогда не сойдутся, ибо одинаково стоять на ложномъ пути. Преемственность этого ложнаго пути есть то великое затрудненiе, которое служитъ главнѣйшимъ препятствiемъ къ установленiю трезваго историческаго взгляда на вопросъ...

Время показало всю бесплодность распри, всю бесполезность выясненiя вопросовъ и всѣхъ попытокъ къ примиренiю.

Примиреніе!—Но гдѣ начало вражды? Къ нему-то мы не подходимъ и не желаемъ подойти. И пока не распутанъ будетъ загадочный историческій вопросъ, смутившій конецъ XVI и начало XVII вѣка, до тѣхъ поръ нечего и говорить о возможности примиренія на исторической основѣ!

Кто былъ тотъ человѣкъ, который замышлялъ непосильное для современниковъ дѣло возрожденія съ освобожденіемъ Царьграда?

Сквозь всѣ наслоенія лжи и клеветы, личность эта до сихъ поръ остается неразгаданною и въ тоже время возбуждающею вокругъ себя страсти. Ни къ одному вопросу мы не подходимъ съ такою именно страстностью, какъ къ вопросу о „Разстригѣ“. И на немъ донныѣ сбиваются и поляки и русскіе. Двойная ложь совершенно запутала вопросъ и смѣшала всѣ отношенія.

До 1605 года не было племенной вражды; бывали войны, какъ всегда между пограничными государствами, но не было ненависти и злобы.

Передъ Польшею, Литвою и Россіею открывались новые широкіе горизонты, чуждые узкому фанатизму религіозному и племенному. Заря объединенія уже зажглась, когда внезап-

но союзомъ темныхъ силъ, по взаимному польско-русскому соглашенію, весь широкій замысль рухнулъ навсегда, и двойное кровавое дѣло, оставивъ неизгладимый слѣдъ, привело къ неисчислимымъ роковымъ послѣдствіямъ. Такой взглядъ, конечно, не найдетъ сочувствія ни съ польской, ни съ русской стороны именно потому, что онъ въ корнѣ противорѣчить принятымъ понятіямъ и созданнымъ теоріямъ. Мы не любимъ отрекаться отъ навѣяннаго съ давнихъ лѣтъ и готовы фанатически противодѣйствовать всякимъ новшествами.

Вопросъ, разбиравшійся со всѣхъ сторонъ, имѣлъ въ виду всѣ случайности, самыя замысловатыя, самыя маловѣроятныя, лишь одной стороны никто откровенно не коснулся...

Погромъ 1606 года круто измѣнилъ всю картину Литвы и Волыни. Православіе и протестантизмъ литовско-русскихъ родовъ уступаетъ отнынѣ Католическому натиску, незнающему препятствій. Это явныя послѣдствія исчезновенія объединителя, одновременнаго наслѣдника Стефана Баторія и Царя Θεодора. Не странно ли, что какъ разъ передъ роковою развязкой дѣло „рокошанъ“ готовило гибель „Шведскому сыну“, уже замышлявшему о побѣгѣ, и

всё это разыгралось въ предѣлахъ Галицкихъ, вокругъ твердаго оплота различныхъ братствъ, среди господствующихъ во Львовѣ православныхъ силъ и дѣятелей, служившихъ Русскому дѣлу, предавшихся предстоящему его широкому развитію съ опредѣленною цѣлю взятія Царьграда. Отвоевать его у невѣрныхъ было особенно необходимо въ виду враждебнаго настроенія запада, ополчившаго уже всѣ свои темныя силы на рать противъ „схизматиковъ!“ Слава древняго Галича отражалась на землѣ Червонорусской передъ появленіемъ „тѣни“ Димитрія. Однимъ изъ благопріятнѣйшихъ центровъ дѣйства является Львовъ съ своимъ знаменитымъ братствомъ.

Но послѣ 1606 г. картина быстро мѣняется и постепенно приводитъ къ тому современному положенію, свидѣтелемъ котораго пришлось быть въ 1899 году.

Начать съ того, что, при мысли объ Уніи, объ уніатскихъ церквахъ и духовенствѣ, невольно повѣришь, что унія не касалась обрядовъ и обычаевъ Православной восточной церкви; что требовалось лишь признаніе Папскаго главенства. Въ Львовѣ, же будучи во многихъ уніатскихъ церквахъ, спрашиваешь себя: гдѣ же слѣды прежней принадлежности

къ Православію, гдѣ сохранившіеся обряды и гдѣ иконостасъ? Только въ одной церкви я видѣлъ остатки такого иконостаса, но уже на двухъ клиросахъ воздвигнуты чисто католическіе алтари. Слѣдовательно, отъ первоначальныхъ обѣщаній давно сдѣланы существенныя измѣненія и уклоненія.

Такое господство надъ Русскою православною землею, надъ Червонною Русью, ощутительно сказывается и особенно поражаетъ русскаго путешественника. Въ Львовѣ существуютъ богатые интересные музеи Оссолинскихъ, Дѣдушинскихъ, Любомірскихъ и пр. Это любопытныя цѣнныя собранія, дающія опредѣленную и полную картину, но чего?—Не всей, конечно, мѣстной исторической жизни, а одной-сторонней эпохи Польскаго господства и Польскихъ вожделѣній. Всюду и вездѣ красуется Костюшко, и бѣлый орелъ расправляетъ свои помятыя крылья. И это гдѣ же?—Во Львовѣ Червонорусскомъ!..

Будемъ безпристрастны и похвалимъ основателей этихъ любопытныхъ и цѣнныхъ музеевъ, поддерживающихъ и возвышающихъ сознаніе польской мысли во всей ея цѣльности, но мы имѣемъ полное право ожидать равноправнаго отношенія и къ вѣковой мѣстной святынѣ

„православной“, оставившей въ томъ же Львовѣ столько вещественныхъ историческихъ и художественныхъ памятниковъ быта и культуры эпохи до насильства польскаго.

Судьбы отечества должны быть одинаково дороги, какого бы онѣ ни касались столѣтій, и правильный историческій взглядъ возможенъ только при подобномъ безпристрастїи, справедливости.

Нельзя было отказать себѣ въ удовольствїи подробно осмотрѣть и музей православныхъ русскихъ древностей, который, хранится въ зданїи Ставропигїи, то-есть, въ прежнемъ домѣ Братства. Каково же было удивленїе, когда насъ ввели въ рядъ темныхъ, низкихъ, неприглядныхъ грязныхъ комнатъ, гдѣ кое-какъ и въ величайшемъ пренебреженїи навалено все, что попало—безъ всякой описи порядка. Намъ нельзя было ожидать такого унижительнаго безобразія, такой картины среди господства народности, хвальнойся своею культурою. Далеко мы ушли отъ временъ червоно-русскаго возрожденїя.

При видѣ церквей, нѣкогда православныхъ и нынѣ обращенныхъ въ костелы, при мысли о томъ, каково было для церкви нашей значенїе Львова и его братствъ, грустно стано-

вится отъ чуждаго господства. И все-таки пришлось здѣсь вынести отрадное чувство при посѣщеніи строящейся нынѣ православной церкви. Церковь эта изящной архитектуры, свѣтлая и просторная; строится она взамѣнъ небольшой комнатки, въ которой до сихъ поръ служили. Теперь православные могутъ найти убѣжище и въ Львовѣ, гдѣ не изсякло еще русское чувство—гдѣ въ борьбѣ съ украинофильствующими органами ратуютъ другія изданія, представители червонорусскаго элемента, т.-е. чисто русскаго, имѣющаго центромъ своимъ Черновицы. Несомнѣнны трудности борьбы. Въ Державномъ Совѣтѣ (Reichstag) засѣдаетъ два-три русина, а поляковъ сотня, и неравномѣрность эта бросается въ глаза.

Одинъ видъ православной церкви, возвышающейся среди униатскихъ колоколенъ Львова, производитъ уже отрадное впечатлѣніе.

Въ общемъ Львовъ интересный городъ, но мы покинули его безъ сожалѣнія. Прискорбно было, что не удалось намъ, какъ хотѣлось, проѣхать въ Самборъ; времени не хватило; къ тому же насъ увѣрили, что тамъ ничего не сохранилось отъ временъ Сендомірскаго воеводы и его семьи, отъ временъ епископства Перемышльскаго и Елисея Плетенецаго.

Рано утромъ покинули мы Львовъ и къ полудню прибыли на русскую границу въ Волочискъ, оттуда съ радостнымъ чувствомъ направились въ Кіевъ...

„Галичъ, гдѣ твои сыны?“

17 февраля 1900,
Москва.

* *
*

На привольныхъ берегахъ рѣки Воронежа, на обрывѣ, покрытомъ плодовыми садами, среди многочисленныхъ зданій усадьбы при селѣ *Рамони*, красуется каменный многоэтажный домъ съ балконами и башнями, напоминающій собою замокъ береговъ Рейна, словно волшебнымъ жезломъ перенесенный въ черномезную полосу Воронежской губерніи и окруженный цѣлою сѣтью разнообразѣйшихъ построекъ.

Тутъ больница для обыкновенныхъ больныхъ и для тяжкихъ спеціальныхъ болѣзней, составляющихъ язву мѣстнаго населенія. Тутъ и школа, просторная, свѣтлая, съ различными приспособленіями на опушкѣ обширнаго фруктоваго сада, хозяйственные постройки—конюшни, манежъ, скотный дворъ, водокачка, оран-

жереи, сарай, флигеля и домъ священника близъ большой, бѣлой каменной церкви.

И все это на возвышенномъ берегу надъ селеніемъ, которое тянется низиной, гдѣ и возвышается цѣлый рядъ построекъ завода рафинаднаго и конфектнаго.

Въ центрѣ усадьбы подъ горою, гдѣ главный домъ, заводъ этотъ нѣсколько ослабляетъ впечатлѣніе деревенскаго затишья своимъ безпрестаннымъ оживленіемъ, своею высокою кирпичною фабричною трубою, неизмѣнно возвышающеюся передъ окнами дома.

Но стоитъ только лишь окинуть взоромъ другія стороны усадьбы, какъ передъ вами открываются широкія дали на заливные луга Воронежа, змѣею изгибающагося среди зѣлени окрестныхъ роцъ; все это, если смотрѣть прямо съ высокаго нагорнаго берега.—Зато другая сторона представляетъ изъ себя совершенною противоположность.

Передъ вами гладкая, какъ ладонь, безпредѣльная степь, теряющаяся за необъятною далью, степь ровная безъ пригорка, безъ единого дерева, своего рода—„степь моздокская“, съ своимъ широкимъ „врачующимъ просторомъ“!

Эта рѣзкая противоположность двухъ сторонъ имѣетъ свою особую прелесть; а тутъ же въ двухъ шагахъ отъ Рамони, за оврагомъ и на крутомъ обрывѣ Воронежа, живописно красуется отдѣльная усадьба—зарождающіеся „Рамонскіе выселки“, нынѣ получившая наименованіе „Ольгина хутора“.

Здѣсь все свѣжо и ново, все молодо и отрадно...

Рамонь,
12 марта 1902.

* *
*

Ясная ночь совсѣмъ уже надвинулась; ни единого облачка. Полная луна царитъ на синемъ небѣ; воздухъ не шелохнется. Такія ночи бывають рѣдко. Все кругомъ замерло, но прислушайтесь, какъ поютъ соловьи. Изба и усадьба и рощи кругомъ—все тонетъ въ лунномъ свѣтѣ. Тихо и тепло. Вамъ не сидится въ душной избѣ; вы отворяете калитку. Вотъ изъ окна мелькнулъ огонекъ; кругомъ шепчется лѣсъ, извилистыя тропинки расходятся во всѣ стороны. Вы избираете любую и уходите въ чащу лѣса. Васъ обхватываютъ липа и орѣшникъ; безчисленныя вѣтки, цѣ-

пляясь одна къ другой, прикрываютъ дорогу словно сводомъ; сквозь него синѣетъ небо и проникаютъ серебристые лучи.

Какая благодать. Чувствуется запахъ черемухи; она въ полномъ цвѣту и бѣлыми тяжелыми кистями нагнулась къ землѣ.

Какъ хорошъ и таинственъ этотъ лѣсъ: клень, липы и ясень въ немъ соперничаютъ съ дубомъ, и тутъ же въ цвѣту, словно опущенныя снѣгомъ, дикія яблони и груши.

Дорожки теряются по всеѣмъ направлѣніямъ. Прозрачные туманы нависли надъ водою,— чувствуете близость влаги. Дубы-великаны тянутся вдоль оврага, вѣтки ихъ отражаются въ струяхъ.

Узенькая дорожка вдоль рѣчки, запруженной въ нѣсколькихъ мѣстахъ, приводитъ васъ къ скату поляны, на которой растутъ молодые яблони. За вами небольшая роща, плодовый садъ спускается къ оврагу и прудамъ. Впереди поля и виднѣется село; огоньки мелькаютъ вдали. Вотъ раздается мѣрный звонъ часового колокола; издали доносится неясный лай собакъ... Чей-то голосъ вдругъ прозвучалъ въ тишинѣ... А соловьи такъ и заливаются, словно стараясь другъ передъ другомъ и соперничая отборными колѣбцами.

Долго на скамьѣ сидѣлъ я, прислушиваясь къ звукамъ ночи. Въ двухъ шагахъ, вся въ цвѣту, красовалась яблоня. Тихо свѣтиль мѣсяць, а въ кустахъ сирени, почти рядомъ, звонко пѣлъ соловей.

Дышать было легко; неясныя грезы носились вокругъ, словно видѣнія минувшаго... Все это давно прошло, но не забыть мнѣ этой тихой майской ночи, полной чудесъ и откровеній!

Серебряные пруды,
10 мая 1891 г.

Г. С. Ш.

RVC-902
Шереметев-3

1.

R 4919

RVC - 902

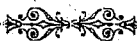
Шереметев-3

1.

R 4919

Въ дорогѣ.

Выпускъ II.

МОСКВА.

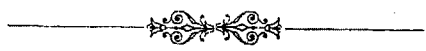
Типографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обиной.

1903.

Vc 2821

Въ дорогѣ.

Выпускъ II.

**ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu**

МОСКВА.

Типографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 16 апрѣля 1903 г.

МЕНТОНА.

„Живется здѣсь легко на праздникѣ природы:
День теплый, сводъ небесъ, прозрачный воз-
духъ, воды,

И ризою цвѣтовъ одѣтая земля, —
Все блещетъ, глазъ и мысль, и душу веселя,

.
Тамъ зыбью зеркальной свѣтлѣетъ полоса:
То море, и на насъ, сквозь сумракъ и молчанье,
Несутся гулъ его и свѣжее дыханье.
На черномъ полотнѣ прозрачной ночи, намъ
Сномъ фантастическимъ мелькають здѣсь и тамъ
Неуловимые узоры и картины,
Созданья ночи, — зыбь и жизнь ночной пучины“...

Кн. Вяземскій.

На обратномъ пути изъ Арко мы ѣхали полями Ломбардіи, минуя Верону, Брешию, Миланъ, Павію. Погода портилась, и глухая осень, казалось, наступила для сѣверной Италіи. То были первыя числа нашего ноября 1902 года.

Отъ Милана дорога сворачиваетъ круто на югъ. Хотѣлось по возможности дольше любоваться видами, еще незнакомыми, по мѣрѣ приближенія къ отрогамъ Альпъ, переваль черезъ которые былъ неизбѣженъ. Но скоро совсѣмъ стемнѣло и трудно было различать предметы. Замѣтно было только, что мѣстность становится гористѣе. На одной изъ остановокъ я спросилъ: «Гдѣ мы?» Отвѣчали: «Тортона!»

Знакомое имя разомъ перенесло къ предѣламъ подвиговъ Суворова.—Здѣсь въ двухъ шагахъ Нови.

Переваль непродолжительный и не высокій: совсѣмъ уже смеркалось, когда стали спускаться, и передъ нами замелькали безчисленные огни обширнаго города. Мы спускаемся все ниже и ниже, а безконечный городъ растетъ, и огней все больше, вотъ и море передъ нами. Впечатлѣніе головокружительное. Погода беспокойная. Вѣтеръ шумитъ и небо темное. Мы въ Генуѣ.

Здѣсь остановка довольно продолжительная: буфетъ, но толкотня и беспорядочность, свойственныя итальянскимъ желѣзныѣ дорогамъ.

Мы попали не въ тотъ поѣздъ, въ который надлежало, и черепашьимъ шагомъ двинулись на Ментону, по прославленному берегу Итальянской ривьеры.

По мѣрѣ удаленія отъ Генуи, погода стихала, показывались изрѣдка звѣзды,—а путь шель вдоль морскаго берега съ частыми остановками на маленькихъ станціяхъ. Жаль, что темнота скрывала отъ насъ всѣ виды вдоль берега и горы: но даже и при неблагоприятныхъ условіяхъ можно было любоваться просторомъ Средиземнаго моря; въ немъ отражались звѣзды, а появлявшійся изрѣдка на мгновеніе мѣсяцъ все время почти заслопился быстрыми несущимися облаками.

Бордигера, Вентимилія,—граница Италіи. Здѣсь ожидается французскій поѣздъ, и мы перешли въ него съ нѣскольکو успокоеннымъ чувствомъ, что беспорядкамъ итальянскимъ наступаетъ копецъ. Было уже за полночь и чувствовалось всѣми сильное утомленіе, когда, наконецъ,

поѣздъ медленно подошелъ къ цѣли нашего путешествія. Мы прибыли въ Ментону.

Здѣсь прожили мы около двухъ недѣль и этимъ пребываніемъ завершили поѣздку въ Италію. Казалось, послѣ Рима и всего, нами видѣннаго въ Италиі, трудно было чѣмъ-либо удивить. И вотъ неожиданно, нежданно, негаданно обрѣли мы въ Ментонѣ то, чего напрасно искали во всѣхъ мѣстностяхъ Италиі, гдѣ случилось быть. Во-первыхъ, прямо съ дороги и Миланскаго холода, попали мы въ затишье и въ чудное приволье. Особенно сильно почувствовалась вся прелесть этого уголка, когда мы поселились посреди сосновой рощи въ *Сар Мартин*, въ гостинницѣ прекрасной, удобной, съ очаровательнымъ видомъ на море. Послѣ продолжительныхъ и иногда утомительныхъ переѣздовъ, послѣ усиленнаго осмотра всякихъ достопримѣчательностей, чувствовалась потребность въ полномъ отдыхѣ, въ сидѣніи на мѣстѣ, въ жизни спокойной и свободной, не стѣсняемой городскими обязательствами, среди чарующей мѣстности и какого-то особаго, невыразимаго по своей прелести, покоя.

Одно сознаніе быть окруженнымъ сосновою рощею, — уже великое наслажденіе: давно тосковали мы по лѣсамъ, которые вообще въ Италиі не существуютъ. Еще грустнѣе тамъ отсутствіе всякой растительной культуры и даже вкуса къ подобнымъ занятіямъ. Переступая границу Франціи, картина мѣняется. Здѣсь садоводство процвѣтаетъ, и это замѣтно вездѣ и повсюду, отъ небольшихъ дачъ и городскихъ садовъ до чудныхъ окрестныхъ виллъ. Въ этомъ отношеніи одна вилла *Мортола* (*Mortola*), принадлежащая англичанину *Hanbury*, уже

есть совершенство, поражающее всякаго, сколько-нибудь не чуждаго чувству изящнаго. Мѣстность эта слишкомъ извѣстна и подробно описана. Не будемъ повторять ея, но посовѣтуемъ каждому посѣтителю Ментоны взглянуть на эту мѣстность, изумительную по роскоши и разнообразію растительности. «Богатый англичанинъ» начертилъ на срединѣ своего дома слѣдующую надпись:

«*Juveni portum.
Spes et fortuna valetet!
Sat me lusistis
Ludite nunc alios*» *).

Въ томъ же чудномъ саду на лучшемъ мѣстѣ красуются слѣдующія библейскія слова:

«*Audiverunt vocem Domini,
Dei deambulantis in horto*».

Ментона — городъ небольшой и укромный, прислоненный къ отрогамъ горъ, надвигающихся къ морю. Это, къ счастью, мѣсто не бойкое, хотя и довольно людное, но характера тихаго, болѣе семейнаго, чего никакъ нельзя сказать о ближайшемъ его сосѣдѣ — Монако съ *Monte-Carlo* и даже о Ниццѣ, уже почитающей себя частицею Парижа, и о свѣтскомъ скучномъ *Cannes*, гдѣ собирается всякая *fine fleur* безличнаго общества, скучающая, проживающая и порицающая.

Ментона дѣлится на двѣ части, вполне отличныя одна отъ другой: *Menton-Caraplan*, — это сторона ближайшая къ итальянской границѣ, всего въ двухъ шагахъ отъ

*) „Я достигъ пристани. Надежда и фортуна прощайте! Достаточно долго вы мною играли. Ступайте теиерь позабавьтесь съ другими.“

города, — и другая ея часть къ Cap Martin. Въ городѣ одна улица, пересѣкающая его изъ конца въ конецъ. Много хорошихъ гостинницъ, магазиновъ, прекрасный городской садъ на берегу моря и набережная. Здѣсь особенно хорошо на солнцѣ и на теплѣ, когда передъ глазами прибой лазурныхъ волнъ, съ какимъ-то особымъ яркимъ оттѣнкомъ, нигдѣ не встрѣаемымъ. Тутъ же, на берегу, рядъ ресторановъ, гдѣ можно на дорогѣ позавтракать и сидѣть на открытомъ балконѣ, имѣя передъ собою голубое море съ его безконечнымъ прибоемъ.

Въ Menton-Carapan находится дача Гр. А. В. Орлова-Давыдова; прелестный уголокъ, пристань отъ волнъ житейскихъ, среди роскошной растительности, это вилла, утопающая въ зелени и цвѣтахъ, съ чуднымъ видомъ на море и прислоненная къ горамъ побережья. Названіе этого тихаго уголка: «villa des rosiers».

Но перейдемъ въ противоположный конецъ города, туда, гдѣ возвышается красивое зданіе нашей православной церкви. Построена она недавно и вовсе не изъ прихоти, а ради насущной потребности, какъ въ храмѣ Божиѣмъ для многочисленныхъ Русскихъ, здѣсь проживающихъ и лѣчащихся, такъ и для покрова болѣющимъ и страждущимъ. При церкви существуетъ домъ призрѣнія.

Онъ приноситъ несомнѣнную пользу и производитъ отрадное впечатлѣніе: это теплый родной уголокъ, гдѣ русскій на чужбинѣ (если онъ остался русскимъ) можетъ найти себѣ убѣжище, отраду и цѣлительное пребываніе. Церковь небольшая, но изящная, въ настоящемъ, родномъ намъ стилѣ. Служба въ ней прекрасная, и душа

радуется и утѣшается, посѣщая этотъ уголокъ Россіи на дальней чужбинѣ.

Конечно, одною изъ приманокъ Ментоны, придающихъ ей, для насъ, русскихъ, особое значеніе,—это существованіе Православной церкви и санаторіи для слабогрудныхъ больныхъ.

Въ церкви служить священникъ о. Аквилонъ и тутъ же рядомъ русскій домъ и квартира завѣдующей, г-жи Колтовской. Небольшой садъ вокругъ и помѣщеніе для больныхъ. Подробности учрежденія находятся въ его Уставѣ. У самого дома—сосѣдняя *villa des eglantiers*, въ которой живутъ большею частію русскіе. Не безъ удивленія видишь, что среди русскаго кладбища надъ городомъ красуется часовня византійскаго стиля. Это надгробный памятникъ г-жи Тепляковой. Въ Ментонской церкви одинъ только недостатокъ—въ нее войти нельзя иначе, какъ въ боковую дверь, а главная ведетъ не къ церкви, но въ особо приспособленное помѣщеніе.

Много здѣсь встрѣчается соотечественниковъ, и не всегда подобныя встрѣчи производятъ впечатлѣніе утѣшительное. Говорю о тѣхъ, что внѣ стоятъ Ментонскаго прихода, скорѣе преклоняясь передъ кумиромъ собственной колокольни, или же призывая лишь свой особый храмъ, тотъ самый домъ, которымъ живетъ и процвѣтаетъ Монако. Но эта близость не опасна Ментонѣ. Здѣсь можно укрыться отъ всяческихъ приливовъ.

Переѣздомъ нашимъ изъ Menton Capraan въ Cap Martin мы обязаны случаю. Неожиданно, среди прогулки, достигли мы очаровательнаго уголка, гдѣ на выдающемся утесѣ воздвигнута гостинница, со всею роскошью, со

всѣми удобствами современной обстановки; кругомъ — хвойныя деревья, а вокругъ мыса — безпредѣльное море. Мы взошли въ гостиницу и пріятно поражены были ея устройствомъ и удобствами. Сезонъ только что начался и обитателей почти не было.

Сказочною казалась намъ эта гостиница: все еще пусто было въ ней, но все уже приготовлено на разные вкусы. Тутъ и гостинья, столовая, журналы всѣхъ родовъ, библіотека и пр. Съ широкаго, просторнаго балкона открываются картины: справа темпѣютъ берега и виднѣются до Антиба, слѣва на Menton Capraan и на Итальянскую Ривіеру, до Бордигіера. Нельзя оторваться отъ отъ этого вида; имѣть же его передъ собою въ уютныхъ комнатахъ, гдѣ мы поселились, было истиннымъ наслажденіемъ; особенно хорошо рано утромъ, когда подымалось солнце надъ горизонтомъ моря. То была картина непередаваемая. Сразу почувствовалось благотворное воздѣйствіе этой благодатной тишины на безпредѣльномъ просторѣ и въ затиши сосноваго бора, среди разнообразныхъ цвѣтовъ и всяческой растительности. Нигдѣ на Ривіерѣ лимонныя деревья такъ не переполнены плодами, нигдѣ плоды эти не бываютъ столь велики, столь душисты, какъ на скалахъ Ментоны. Сборъ лимоновъ производится четыре раза въ году и достигаетъ 50,000,000 плодовъ; то же можно сказать о мандаринахъ. Что касается до оливковыхъ деревьевъ, то дерево Минервы достигаетъ здѣсь колоссальныхъ размѣровъ. Въ Греціи и въ Палестинѣ не бываетъ лучшихъ. Вокругъ всей Ментоны чудные образцы морскихъ сосенъ (*pinus maritimus* Lenek) особенно на Cap Martin встрѣчаются настоящія pin ра-

gasol». Что же сказать о цвѣтахъ? Здѣсь розы, красныя каприфоліи, анемоны, фіалки, гвоздика, гераніумы великаны, геліотропы, арумы, нарциссы, ирисы—на каждомъ шагу здѣсь красуются зимою, вылѣзая изъ-за малѣйшихъ разсѣлинъ. Особенно въ мартѣ и въ апрѣлѣ здѣсь воздухъ пропитанъ душистымъ запахомъ померанца; въ январѣ же цвѣтутъ миндальные и персиковыя деревья ²⁾).

Во всей же обстановкѣ гостиницы не мало „комфорта“, во всѣхъ отношеніяхъ изящнаго.

Отдыхъ намъ былъ необходимъ, и жаль было покидать этотъ укромный уголокъ, заранѣе зная, что предстоитъ во Франціи готовиться къ суровымъ холодамъ, при плохомъ приспособленіи комнатъ для борьбы съ морозами.

Хороша дорога вдоль набережной, особенно по направленію къ *Cap Martin*. Другая сторона, даже можетъ быть, красивѣе,—къ ближайшей разсѣлинѣ, раздѣляющей Францію отъ Италіи.

Въ Ментонѣ нѣтъ гавани и суда приходятъ рѣдко, да и стоянки имъ нѣтъ. Кое-когда заблѣлетъ на горизонтѣ парусъ. Однажды, утромъ рано, было на морѣ замѣтное волненіе,—вижу изъ окна, какъ лодка съ нѣсколькими гребцами огибаетъ *Cap Martin*, направляясь къ *Монако*. Еще до разсвѣта ясно было видно, какъ качало эту ладью и сидящихъ въ ней.

Случайно, наканунѣ отъѣзда совершили мы интересную поѣздку въ глубь ущелья, постепенно подымаясь въ гору до селенія *Gorbio*. Подъемъ мало замѣтный

¹⁾ *La Provence maritime ancienne et moderne*, p. 47.

²⁾ *Mentor Med-Pittor*,—p. 49.

въ началѣ до санаторіи,—далѣе становится круче и уже. Постепенно мѣняется здѣсь растительность и исчезаютъ нѣкоторыя породы, но еще долго держится виноградъ.

Горбіо,—деревушка въ 500 жителей, построенная на возвышенности плоскогорія высотой въ 435 метровъ. Въ древности здѣсь была крѣпость, нынѣ разрушенная. Замокъ Ласкарисовъ занималъ почти все протяженіе селенія.

Вотъ мы взобрались въ орлиное гнѣздо. Это Итальянскій городокъ, съ церковью и узкими кривыми улицами, характера средневѣковаго. На насъ смотрѣли отчасти, какъ на дикихъ. Въ воздухѣ стало сразу холоднѣе и настолько, что нужно было поспѣшить обратно до наступленія темноты.

Обратный путь изъ Gorbio совершился легче и скорѣе. Красивая здѣсь горная дорога, много растительности, а въ глубинѣ долины течетъ рѣчка. Зданіе санаторіи видно только издали; повидимому устроено все хорошо, но жаль, что не пришлось намъ осмотрѣть его подробно.

Эта поѣздка была послѣдняя во время нашего пребыванія въ Ментонѣ, и жаль было сознавать, что наступилъ конецъ пребыванію въ странѣ благодатной, сдѣлавшей столько добра здоровью и восстановленію силъ.

Гостинница наша до конца оставалась почти пустою и попрежнему казалась волшебнымъ замкомъ. Близъ нея—памятникъ несчастной императрицы Елизаветѣ Австрійской, которая здѣсь любила гостить. Тутъ же рядомъ вилла императрицы Евгени. Послѣдняя уже на скатѣ къ заливу Монако, съ очаровательнымъ видомъ.

Гуляя среди сосновой рощи, около этих виллъ, по прекрасному шоссе, особенно чувствуешь благотворное вліяніе чистаго воздуха, пропитаннаго благоуханіемъ осени, несомпѣнно полезнаго и живительнаго.

Ментона составляетъ исключеніе среди сосѣднихъ мѣстностей въ Франціи и Италиі, вдоль прославленной «Корниши» (Corniche), столь привлекающей путешественниковъ различныхъ странъ. Стоитъ только переѣхать на сосѣднія станціи по тому же пути, какъ васъ обхватываютъ совершенно иныя впечатлѣнія и тянетъ скорѣе обратно, чтобы не видѣть всей неприглядности представляющихся передъ вами картинъ.

Нельзя, конечно, не признать, что весь путь на этой Ривіерѣ очень хорошъ, красивъ и разнообразенъ, но васъ поражаетъ отсутствіе лѣсовъ, скученность населенія и жилья, разбросанность участковъ, черезчуръ прилизанныхъ и обдѣланныхъ. Всего же болѣе раздражаютъ и портятъ впечатлѣніе встрѣчаемыя лица и типы, въ особенности же наши соотечественники обоюдо пола, перѣдко поражающіе своею беспощадною пошлостію и ничтожествомъ. Всѣ эти россияне различныхъ степеней, всяческіе „исты“, игроки и игришки, вдыхающіе въ себя воздухъ Monte Carlo, производятъ гнетущее, отталкивающее впечатлѣніе! Это цѣлое учрежденіе съ своими печатными органами, восхваляющими ихъ подвиги, одежды и передвиженія, всѣ эти модники, пшюты, декаденты разныхъ степеней, неврастеники, вырождающееся отродье безличнаго общества, ищущаго сплывныхъ ощущеній, наживы зрѣлицъ, пряныхъ удовольствій, переутомленные, извращенные, праздношатающіеся... Все

это человѣческое ничтожество производитъ сильное и зловѣщее впечатлѣніе. Чувствуется близость разгрома, близость исчезновенія всего этого безсилія, всей этой скудости большихъ мозговъ!..

Нужно взглянуть на всю эту жизнь и стать къ ней лицомъ къ лицу, чтобы понять истинный смыслъ этого явленія современности. Но дышать этимъ отравленнымъ воздухомъ нельзя, и вы спѣшите бѣжать оттуда и скорѣе укрыться въ сосновомъ бору у моря въ Cap Martin, чтобы, сбросивъ съ себя весь этотъ чадъ, освѣжиться отъ испытываемой тошноты, облегчить голову отъ угара и ощущаемаго стѣсненія и удалить охватывающую васъ глубокую тоску...

При видѣ прославленной Ривіеры, конечно, нельзя не отдать справедливости ея выдающимся красотамъ, но онѣ не могутъ пересилить сознанія иной и лучшей красоты—нашей «русской» черноморской ривіеры, которая неизмѣримо выше и величественнѣе. Необходимо видѣть обѣ ривіеры, для сравненія, и это была одна изъ причинъ, привлекавшихъ насъ въ эту мѣстность.

Думаю, что красота свѣтовыхъ переливовъ моря Средиземнаго превышаетъ подобную же—моря Чернаго, но берега наши внушительнѣе... Будемъ надѣяться на ихъ близкое возрожденіе безъ обязательной односторонней раздражительности Западной во всемъ, что въ ней имѣется развращеннаго, декадентскаго, вымирающаго...

Залогомъ нашего превосходства да послужитъ цвѣтущая обитель Новаго Аэона; подобнаго, по значенію своему, ничего и быть не можетъ на западной Ривіерѣ. У насъ же не можетъ быть и до нынѣ никакой проч-

ной «колонизаціи» безъ подобной основы, воздѣйствующей, вдохновляющей и создающей. И въ этомъ отношеніи значеніе Новаго Аэона особенно отрадно. Ужь если указывать на центръ, объединяющій западную Ривіеру, такъ таковымъ является не что иное, какъ Monte Carlo, со всеѣмъ своимъ безмѣрнымъ развратомъ, со всею тою растлѣнною роскошью, отъ которой пахнетъ гарью и разрушеніемъ!..

Новый Аэонъ и Monte Carlo! Будемъ надѣяться, что обитель Симона Кананита, взявшая починъ въ дѣлѣ возрожденія края, столь много сдѣлавшая для его оздоровленія и для мѣстной культуры, сохранить за собою и то первенство, на уваженіи основанное, которое путемъ историческимъ и древнимъ и попынѣ совершаетъ чудеса.

Будемъ надѣяться, что наша «Ривіера» черноморская никогда не загрязнится явленіями страны, хотя и союзной намъ, но—увы—идушей «на всяческую убыль», по причинамъ роковымъ и неизбѣжнымъ, давно уже погубившимъ «языческій» міръ...

Будемъ утѣшать себя надеждою, что наша несчастная подражательность не пойдетъ такъ далеко!...

Краткій мигъ нашего пребыванія въ Ментонѣ закончился. Ноября 14-го мы еще успѣли побывать у обѣдни, а 15-го—совсѣмъ простились съ Ментоной...

Прогулкою въ Gorbio, можно сказать, закончилось наше путешествіе по Италіи, и это чувствовалось особенно сильно передъ ожиданіемъ холодовъ и приближающейся на Сѣверѣ зимы.

Въ самый день отъѣзда еще совершили мы, вставъ рано утромъ, послѣднюю прогулку, прощаясь со всеѣмъ

тѣмъ, что здѣсь такъ привлекало и радовало. Отраднo было сознаніе, что весь путь нашъ, столь полный незабвенныхъ впечатлѣній, закончился такъ утѣшительно и свѣтло.

Мы помѣстились въ вагонъ курьерскаго поѣзда на Парижъ. Широкія окна его давали намъ возможность еще разъ оглянуться на исчезающую передъ глазами картину. Быстро промелькнули Ницца, Cannes, Antibes... Наступающій сумракъ скрылъ отъ насъ дальнѣйшій путь, превращая все, нами видѣнное и испытанное такъ недавно, въ чудное и плѣнительное сновидѣніе.

20 февраля.
1903.

Г. С. Ш.

К о н е ц ъ .

RVC-903

Шереметев-3

2.

R 12.519

ВЪ ДОРОГЪ.

ВЫПУСКЪ V.

ФЛОРЕНЦІЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1907.

ВЪ ДОРОГЪ.

ВЫПУСКЪ V.

ФЛОРЕНЦІЯ.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1907.

Флоренція.

«А Флоренскъ стоитъ межъ великими и
превысокими горами, а длина городскому
мѣсту и съ уѣздомъ верстъ на 13, и то всё
горы».

Посольство Лихачева. „Визитовка“ т. II.

«Florence beneath the Sun
Of cities fairest one!»

Schelley.

«Di te donna del Arno
Tu in rēgio trono altoramenti assisa
L'imperioso ceglio
Volgi all Etruria.»

Felicaya.

По мѣрѣ приближенія поѣзда къ Фло-
ренціи, волненіе мое росло. Въ лунную
ночь перевалили мы черезъ Аппенины
довольно крутымъ спускомъ и при скрипѣ
тормозовъ, минуя Пистою, быстро за-
тѣмъ примчались къ цѣли нашего пути.
Это было 23 сентября 1902 года.

Поѣздъ остановился у главной, цент-
ральной станціи. Погода совсѣмъ испор-

тилась, шелъ дождь и небо отовсюду заволокло.

Темными узкими улицами проѣхали мы въ каретѣ и, постоянно заворачивая, наконецъ выѣхали на набережную, здѣсь называемую Lungarno; скоро остановились мы у подъѣзда гостиницы Victoria почти за городомъ и не далеко отъ общественнаго сада—«Кашинъ» (Cascines).

Впечатлѣніе было мрачно; гостиница показалась намъ непригляднѣе, чѣмъ думали, грустный былъ видъ изъ комнатъ на рѣку, лишенную воды; лишь одна струя текла по песчаному ложу Арно.

Желтый, неуклюжій, длинный домъ торчалъ насупротивъ за рѣкою, а за нимъ темныя горы неясно исчезали вдали. Въ комнатахъ гостиницы много роскоши и ветхостей; просторная гостиная съ зеркалами, мягкая мебель, три спальни смежныя и посреди балконъ на рѣку.

Разочарованіе было полное. Гдѣ же ожидаемыя впечатлѣнія, навѣянные разсказами? Гдѣ же Флоренція— «la Superba»,

о которой еще недавно писали мнѣ съ восторгомъ?...

Но «утро вечера мудренѣе»: показалось солнце, и на душѣ стало свѣтлѣе. Гляжу въ окно: мутныя струи Арно быстро стремятся вдаль. На берегу кучка рыбаковъ, собирающихъ что-то, копошится въ песокѣ. Желтый, грязный домъ все передъ нашими окнами, но за нимъ тянутся горы, покрытыя зеленью, еще далѣе возвышенности съ вѣнчающимъ ихъ монастыремъ.

Въ тотъ же день стало ясно, что впечатлѣніе ночное было преходящее. Солнце уже сильно пригрѣвало, а голубое небо намъ было въ диковинку; кругомъ свѣтъ и тепло, все то, чего мы были лишены почти все лѣто. Сразу почувствовалось дуновение юга, и сердце забилось сильнѣе среди надвигавшихся горъ воистину дивнаго града, къ которому такъ легко и такъ сильно привязываешься. Словно родная намъ эта *Figenze*—краса городовъ Умбріи, воздвигнутая на древнемъ пепелищѣ загадочныхъ *Râsenae*, съ ихъ своеобразною древнѣйшею культурою, пришедшею съ

незапамятныхъ временъ изъ странъ восточныхъ.

Все это почувствовалось сразу и глубоко. Мы прожили во Флоренціи лишь двѣ недѣли, и мигомъ промчались эти чудные дни первой отдохновительной остановки на предстоящемъ пути, полнымъ впечатлѣній и чудесъ!

Прежде всего надлежало вдуматься въ истинное значеніе Флоренціи, вопрошая блестящее ея прошлое, отпечатокъ коего такъ глубоко и такъ цѣльно отразился на всемъ ея обликѣ, на всей стройной красотѣ ея зданій и памятниковъ безсмертнаго искусства..

Времени у насъ было не много. Необходимо было расположить общій осмотръ съ расчетомъ выполнить лишь все необходимое, вполнѣ сознавая, что для дѣйствительнаго обзрѣнія всего нужно значительно большее время. Но мы не могли располагать тою свободою, которая выпадаетъ на долю инымъ нашимъ путешественникамъ, не занятымъ людямъ, не стѣсняемымъ никакими срочными обязательствами.

Трудно было бы для насъ, да и бесполезно, составленіе общаго плана. Нужно было считаться съ разными обстоятельствами, и потому предоставить осмотръ простому случаю, всегда пользуясь свободнымъ временемъ, когда оно къ вамъ неожиданно подходило, и не задаваясь широкими цѣлями. Со мной былъ дневникъ моей матери, и я слѣдилъ за ея движеніями по пути черезъ Флоренцію, гдѣ прежде всего отыскалъ ту гостинницу, въ которой она съ братомъ моимъ и съ тетушкой Елизаветой Сергѣевной Шереметевой останавливалась въ 1842 году.

Эта гостинница «*Locanda d'Italia*» существуетъ и по нынѣ, а насупротивъ ея то зданіе, въ которомъ тогда жили монахи. Въ нижнемъ этажѣ сохранился и магазинъ аптеки Св. Іоанна со всякими снадобьями — *drogheria*, о которомъ упоминаетъ моя мать въ своемъ дневникѣ.

Отрадно было слѣдить за старою записью и возстановлять минувшее, шествуя по слѣдамъ его.

«30 Апрѣля. Воскресенье.

18

Въ восемь часовъ, въ каретѣ выѣхали изъ Сіенны, погода великолѣпная, дорога очень пріятная до Флоренціи, хорошо обработанная, веселая; встрѣчали разодѣтыхъ мужиковъ и нарядныхъ крестьянокъ въ соломенныхъ шляпахъ, направляющихся на праздникъ въ Сіеннѣ.

Подѣзжая къ Флоренціи, проѣзжаешь мимо живописно расположенной Шартрезы (Certosa). Городъ виденъ только, когда находишься уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, такъ какъ онъ сидитъ въ горахъ; положеніе пріятное; городъ очень красивый и чистый, прекрасные дома, отличныя мостовыя, но я грустила по Риму. Поселились въ гостинницѣ Италия, хорошее помѣщеніе, слишкомъ большое для насъ, противъ нашихъ оконъ монастырь Святаго Іоанна. Одинъ монахъ провелъ нѣсколько часовъ у двери и этимъ напомнилъ мнѣ Римъ. Обѣдали и провели весь день дома—только зашла въ церковь

по ту сторону улицы и видѣла крестный ходъ Святыхъ Таинъ. Легла рано.

1 Мая

19 Апрѣля. Понедѣльникъ. Флоренція.

Встала въ восемь, вышла въ 11. Погода чудная. Пошли въ Соборъ и крещальню, которая меня болѣе заинтересовала. Знаменитыя желѣзныя двери Гиберти. Соборъ снаружи очень хорошъ, весь выложенъ мраморомъ; послѣ того осмотрѣли монастырь Благовѣщенія, очень хорошъ, шла служба, когда мы въ немъ были. Образъ въ часовнѣ Благовѣщенія писанъ Бартоломеою, закрытъ. Въ корридорѣ монастыря восхищались знаменитою Мадонной Андрея дель Сарто. Прекрасное выраженіе. Заходили въ Академію Художествъ, интересныя картины Флорентійской школы. Заходили къ Святому Марку. Чудная церковь. Вернулись къ обѣду. Въ три часа пошла гулять съ Николаемъ *) и Лизой **) въ Капины. Прелестная прогул-

*) Гр. Николай Димитріевичъ Шереметевъ, тогда четырехлѣтній мальчикъ.

**) Елизавета Сергѣевна Шереметева, тогда 23 лѣтняя.

ка за городомъ; Николай много бѣгалъ; встрѣтили семейства Кочубеевъ и Бѣлосельскихъ*); въ пять часовъ пошла къ Балашевымъ и вернулась домой послѣ семи; послѣ чаю писала до двѣнадцати.

2 Мая.

20 Апрѣля. Вторникъ. Флоренція.

Вышла въ 10¹/₂; пошла съ Николаемъ въ Вилла Капони, чтобъ видѣть дѣтей Томасъ**). Очень милыя, особенно три дѣвочки. Онѣ много играли съ Николаемъ, гуляли въ саду. Англичанка***), кажется, хорошая женщина; ушла отъ нихъ въ часъ, чтобы встрѣтить Балашовыхъ, которые уѣзжаютъ въ Болонью. Обѣдали тотчасъ по возвращеніи. Въ четыре часа пошла

*) Кн. Елена Павловна Кочубей, въ первомъ бракѣ кн. Бѣлосельская-Бѣлозерская.

**) Thomas, вполнѣдствіи Trehern англичанинъ, проживавшій въ Москвѣ въ 20-хъ годахъ и хорошо знавшій семейство С. В. и В. П. Шереметевыхъ, съ которыми подружился. Старшая дочь ихъ Анна Сергѣевна особенно привлекала его. Онъ сохранилъ добрыя отношенія до конца дней своихъ и еще въ 60-хъ годахъ не прекращалъ переписки съ Елизаветой Сергѣевной, всѣхъ пережившей.

***) Жена Томаса.

осматривать нѣсколько церквей; дождикъ идетъ. Монастырь Святаго Духа, затѣмъ Кашины. Часовня Корсини интересна. Андрей епископъ Фьезольскій въ ней похороненъ, затѣмъ пошли въ церковь Святаго Креста. Интересна по находящимся въ ней могиламъ: Галилей, Микель Анджело, Маккіавель, Альфьери, памятникъ Данту. Затѣмъ зашла къ Донэ, чтобы съѣсть мороженое, и вернулась домой. Больше не выходила изъ дому; приступы меланхолии. Играла съ маленькимъ, очень милъ.

3 Мая

21 Апрѣля. Среда. Флоренція.

Въ десять часовъ вышла съ Николаемъ и Лизой. Пошли во дворець Питти смотрѣть галерею, наполненную чудными предметами; осмотрѣла квартиру герцога, ничего особеннаго, взошла въ садъ Боболи за Николаемъ. Бродила по саду добрыхъ полчаса, никакъ не могла найти его, наконецъ нашла и вернулась домой; обѣдала въ два часа, затѣмъ вышла, чтобы осмотрѣть магазинъ мозаики

Біанкини. Оттуда пошла къ Святому Лаврентію, Санта Марія Новелла и кончила Святымъ Гаэтаномъ. Вернулась, дождь идетъ. До того зашла къ Корніани*), они очень счастливы. Остальную часть вечера провела дома. Думала съ грустью о Римѣ.

4 Мая

22 Апрѣля. Четвергъ. Флоренція.

Вышла въ 11, начала съ церкви Святаго Гаэтана, была музыка съ оркестромъ, праздничный день, затѣмъ пошла въ Уффици и въ галерею Медичей, восхищалась сокровищами трибуны, затѣмъ вошла въ залу портретовъ художниковъ. Изъ замѣчательныхъ картинъ въ трибунѣ находятся: Мадонна съ щегленкомъ и всѣ картины Рафаеля, Мадонна Корреджіо, смотрящая съ восторгомъ на Спасителя, Мадонна Гвидо и много другихъ великолѣпныхъ картинъ. Вошла въ залу Ніобеи и вернулась домой въ два. Обѣдала, а въ 4 вышла съ Николаемъ, долго гуляла въ саду Боболи, привела его домой въ шесть

*) Семейство Corniani, тогда жившее во Флоренціи.

и пошла съ Лизой въ Кашины; довольно скучно; было мало народу на гуляньѣ. Скоро вернулись и смотрѣли изъ окна; нарядный монахъ Іоаннинскаго монастыря насъ забавлялъ. Въ восемь чай пили, Николай легъ, я пошѣла и тоже легла.

5 Мая

23 Апрѣля. Пятница. Флоренція.

Утромъ вернулась въ Уфицію, чтобъ опять осмотрѣть галереи, и пробыла тамъ до 2¹/₂, вернулась къ обѣду. Отвезла Николая къ дѣтямъ Томасъ, въ четыре пошла за нимъ и немного поиграла съ ними. Въ шесть вернулась, погуляла немножко въ Кашинахъ, у меня такъ разболѣлись зубы, что я принуждена была лечь въ кровать въ восемь часовъ. Скоро заснула. Несносный шумъ на улицѣ и на лѣстницѣ.

6 Мая

24 Апрѣля. Суббота. Флоренція.

Встала въ восемь, вышла въ 11, пошли во дворецъ Риккарди, интересная зала съ фресками Луки Жіордана, затѣмъ пошла

въ церковь Св. Иоанна, во дворець Питти, еще разъ осмотрѣла и любовалась галлерейми, вернулась въ два; Николай обѣдалъ съ нами, потомъ онъ пошелъ въ садъ гостинницы. Монахъ Св. Иоанна очень часто на порогѣ больничной двери, очень веселое и свѣтское лицо. Въ четыре часа вышла пѣшкомъ, купила соломенные шляпы и матеріи; затѣмъ зашла въ аптеку Санта Марія Новелла, очень пріятный монахъ продалъ намъ духовъ. Вернулась, занялась немного съ Николаемъ, въ восемь часовъ пила чай, затѣмъ писала.

7 Мая

25 Апрѣля. Воскресенье. Флоренція.

Была у обѣдни въ церкви Благовѣщенія. Процессія крестьянъ, дождь пошелъ, вернулась домой и болѣе не выходила. Вечеромъ въ театрѣ Пергола, давали Норму; у примадонны довольно хорошій голосъ. Вернулась въ 10, пила чай и скоро легла.

8 Мая

26 Апрѣля. Понедѣльникъ. Флоренція.

Погода дождливая, выходила, чтобы осмотрѣть нѣсколько мастерскихъ: Поззи

и Поуера. Прекрасная Ева. Вернулась къ обѣду. Въ 3½ поѣхала въ Бельгварде, великолѣпный видъ съ террасы на Флоренцію и окрестности, потомъ поѣхала по дорогѣ въ Римъ, видѣла Чертозу, доѣхала только до дверей монастыря, поговорила съ монахами и зашла въ аптеку Санта Марія Новеллы. Вернулась домой и больше не выходила. Николай игралъ весь вечеръ.

9 Мая

27 Апрѣля. Вторникъ. Флоренція.

Встала съ зубной болью, которая продолжалась весь день. Въ 11 часовъ поѣхала въ виллу Петраія, послѣ того у насъ были всѣ дѣти Томаса, очень милыя. Красивая вилла, красивый видъ на окрестности и чудная статуя Іоанна Болонскаго. Вернулась въ два часа съ усиленной зубной болью, которая меня держала до вечера; въ восемь часовъ пошла въ народный театръ; маленькая зала переполнена; когда мы пріѣхали, еще не было освѣщено. Опера довольно хорошо поставлена, очень

красивый дѣтскій хоръ. Корніани пришли къ намъ въ ложу, мы пробыли только два акта, вернулись въ десять часовъ, пили чай и легли.

10 Мая

28 Апрѣля. Среда. Флоренція.

Чудная погода съ утра. Въ десять часовъ Николай пошелъ съ Лизой къ Томасамъ. Я осталась дома и писала; въ двѣнадцать мы пошли вмѣстѣ въ естественно-историческій музей—прекрасно. Комната, посвященная Галилею, очень интересна. Вернулась къ обѣду. Въ четыре часа опять вышла, проливной дождь до пяти, вошла въ нѣсколько разныхъ магазиновъ и въ шесть часовъ отправилась въ виллу Капони. Всѣ дѣти вмѣстѣ. Игрушки, принесенныя мною, очень понравились; осмотрѣла весь домъ. Послѣ трогательнаго прощанія вернулась домой почти въ восемь часовъ. Запла въ аптеку Санта Маріи Новеллы, поговорила съ монахомъ, который насъ проводилъ. Въ 8^{1/2} пришли Корніани, пили чай и ушли въ десять.

11 Мая

29 Апрѣля. Четвергъ. Флоренція.

Встала въ 6^{1/2}, выпила чашку чаю и пошла на минуту въ церковь Святаго Іоанна. Красивый монахъ, какъ всегда, у окна. Затѣмъ зашла съ Лизой въ аптеку, онъ насъ сопровождалъ съ радостнымъ лицомъ, и мы познакомились въ послѣднюю минуту. Онъ объявилъ намъ, что онъ докторъ общины. Больничная палата содержится очень хорошо. Экипажи были готовы, и мы простились съ любезнымъ монахомъ; онъ и другіе монахи пришли къ дверямъ, чтобы посмотрѣть на нашъ отъѣздъ. Въ 8^{1/2} сѣли въ экипажи и уѣзжая раскланялись съ монахомъ. Ъхали очень быстро, покинула Флоренцію не безъ нѣкотораго сожалѣнія. Приѣхали въ Пизу въ четыре часа» *).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ посѣтилъ Италію авторъ «Римскихъ писемъ», оставившій намъ образцовое доннынѣ описаніе

*) Архивъ с. Михайловскаго. Дневникъ Гр. Анны Сергѣевны Шереметевой.

«вѣчнаго города», но онъ обошелъ Флоренцію. За то мы имѣемъ разсказъ о ней болѣе древняго путешественника XVII вѣка П. Гр. Барскаго.

«Флоренція есть въ Италиі градъ знаменитій и повсюду прослутій, подъ властію единаго велика Дукса, т. е. вожда, иже два оніе начальніе гради подъ собою имать: Флоренцію и Сени, съ окрестними. Стоитъ на земли благоплодовитой, мало каменія имущой, въ единомъ широкомъ удолиі, его же обстоятъ окрестъ гори высокіе и рѣка едина проходитъ сквозъ его. Есть же распростертъ много въ широту и долготу, имать водъ здравихъ текущихъ много и садовъ прекраснихъ такожде, еще же винградовъ и вина изобиліе велие, такожде хлѣбъ и иніе ядоміе вещи не скупо продаются. Тамо богатихъ же, знаменитихъ и благороднихъ людій много, церквей, монастырей избраннихъ и многой похвалы достойнихъ довольно, такожде високихъ вежей и столповъ: домове же и полати зданіемъ суть красни, торжища же и стогни чинно расположенни, всегда же очи-

щенни и пометенни сѹть, яко не токмо ходити, но и зрѣти лѣпо: училищъ же и мудростей довольно обрѣтаются и художниковъ, въ всякомъ рукодѣланіи искусныхъ. Тамо народъ полетичній и добръ бесѣду простираеть, токмо не лѣпо изношеніе имуть, яко проходитъ слово въ всей Италиі: *lingua Toscana in bocca Romana*, «то есть, добрій есть языкъ Тосканскій, въ губѣ Римской, страна бо та, идѣ же Флоренцѣя есть, Тосканѣя именуется» *).

За недостаткомъ времени пришлось поневолѣ ограничить нашъ обзоръ; причемъ общій осмотръ города чередовался съ загородными прогулками и поѣздками въ окрестности. Мы начали со стараго дворца *palazzo Vecchio*—мѣстопробыванія прежняго правительства, въ которомъ и до нынѣ звучать пышныя имена Медичисовъ; тутъ же и Лоджія (*Loggia*) и дивныя галереи Уфици (*Uffizi*) съ своими неисчислимыми художественными богатствами, связанныя

*) Барскіі, Странств. по свят. мѣст., вып. V, стр. 143.

путемъ безконечнаго крытаго хода, черезъ ponte Vecchio съ дворцомъ Питти на противоположномъ берегу Арно. Дворецъ этотъ, хранилище произведений искусства, подавляетъ своимъ богатствомъ и сочетаніемъ величайшихъ произведений живописи; а кругомъ сады и воды и чудныя террасы изумительнаго сада «Боболи» поражаютъ разнообразіемъ флоры въ дивныхъ образцахъ и въ очертаніяхъ разнообразной листвы. Невольно остановишься передъ этимъ древнимъ мостомъ, сохранившимъ до нынѣ весь обликъ прежней Флоренціи. Это тотъ самый мостъ, о которомъ упоминается въ описаніи Флорентійскаго собора. Любопытный поясной портретъ нашего посла въ Венецію Чемоданова красуется въ портретной галлерей, соединяющей надъ ponte Vecchio оба берега рѣки.

Вотъ какъ описанъ этотъ своеобразный мостъ.

«И посреди града того течетъ рѣка велика и быстра вельми, именемъ Рна (Арно), и устроенъ на рѣцѣ той мостъ

камень, и широкъ вельми, и съ обѣ стороны моста устроены палаты»^{*)}).

Проходилъ я не разъ черезъ этотъ мостъ, уцѣлѣвшій отъ всѣхъ разгромовъ времени и случая. Характерны въ немъ лавочки, ютящіяся одна около другой, подъ сѣнію старой крыши и затѣйливаго прохода, созданнаго причудою одного изъ Медичисовъ. Въ этомъ замыслѣ соединить искусственнымъ путемъ оба берега рѣки и оба дворца сквозило въ Медичисахъ чувство подражательности Императорскому Риму, когда Кесари римскіе, причудъ своихъ ради, связывали крытыми переходами высоты Палатина со скалою Капитолія и т. п. Они старались тѣмъ самымъ перецеголять своихъ предшественниковъ размахомъ своего безпредѣльнаго самодурства. Медичисы, строившіе этотъ крытый ходъ, очевидно проникнуты были духомъ древнихъ кесарей.

Съ перваго же посѣщенія palazzo Pitti мы введены были въ многосложный и обаятельный міръ, отъ котораго уже не

^{*)} Вивліоенка, т. VI. Путешествіе Исидора метрополита.

уйдешь. Флоренція вся живетъ минувшю славою и безсмертными памятниками неувядаемаго творчества. Они возносятся надъ ничтожествомъ ежедневной суеты, воодушевляя челоуѣка сознаниемъ чувства изящнаго; они даютъ ему и чистое наслажденіе, освѣжающее душу....

Но не одни дворцы съ картинными галлереями, съ образцами ваянія и живописи, не одни музеи, съ богатѣйшими собраніями остатковъ знаменитой культуры загадочнаго народа, населявшаго Этрурцію, не одни только памятники зодчества (съ Флорентійскими лиліями и неизбежными эмблемами Медичисовъ), поражаютъ взоръ, глубоко запечатлѣнный богатствами Флоренціи: чувство душевное умиротворяется не менѣе сильно при видѣ храмовъ, изобилующихъ предметами высокаго художества, отражающими глубокую христіанскую мысль. Не всѣ Флорентійскіе храмы въ одинаковой степени поддерживаютъ вообще высокій строй мыслей: иные, отражаютъ въ себѣ всю неприглядность уклонившихся теченій. Не будемъ на нихъ оста-

навливаться, ниже смущаться извращеніемъ христіанства; довольно и того, что существуютъ такіе храмы, гдѣ человѣческая мысль готова воспринять знаменательныя слова молитвы: — «Ничто же земное въ себѣ да помышляетъ».... Таковымъ, всего болѣе внушительнымъ, показался мнѣ дивный храмъ, созданный Микель Анджело, — храмъ Св. Креста—Santa Croce.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ церкви и памятники Флоренціи со всѣми ихъ богатствами. Кому они неизвѣстны? Кѣмъ только не описаны? Хотѣлось бы только напомнить русскому (паломнику), что и помимо общаго просвѣтительнаго воздѣйствія Флоренціи сохранились въ ней и для насъ русскихъ особыя связи въ давнихъ сношеніяхъ историческихъ и церковныхъ.... Стоитъ лишь войти въ драгоценную сокровищницу книгохранилища Лаврентія Великолѣпнаго (Biblioteca Laurenziana) съ ея 10.000 рукописей, чтобы увидѣть тамъ висящую грамоту, заключающую въ себѣ актъ Флорентійскаго собора. Не безъ волненія читаются пространныя строки по-

становленія Флорентійскаго собора 1440 года. Четкимъ бисеромъ помѣчены на немъ слѣдующія славянскія надписи:

«Смиренный еѣпѣ

Авраамій Суждальскій подписую^ѣ».

Тутъ же подпись Исидора митрополита.

Близился, казалось, тотъ день, когда возможно было соединеніе церквей, не путемъ однако убѣжденій и не силою неизбѣжности, а лишь сознаніемъ безсилія послѣднихъ Василевсовъ Царяграда, въ связи съ готовящимся возрожденіемъ Уніи въ Западной Россіи.

Еще до съѣзда во Флоренціи—«обрѣте же ту и Царя Ивана Константинопольскаго и съ нимъ Вселенскаго Патріарха Іосифа, съ нимъ же и Трапизонскаго Дороея Митрополита, и иныхъ земель многихъ Митрополиты быша ту, ихъ же числомъ яко двадесять, и Хартофилакове мнози и Латинскія земли Арцыбискупы и Бискупы, Гречести старцы и всѣхъ множество Грековъ и Латинъ и Аламанъ и Фрязовъ и Калатинъ и Френчукъ и Беребеанъ и Кофеанъ.

Царь же тогда Киръ Иванъ (Палеологъ)

извѣстоваше сицевое слово Евгенію Папѣ Римскому и всѣмъ бывшимъ ту: «яко восточнѣй земли суть Русіи и больше есть Православіе и вышло Христіанство Бѣлыя Русіи, въ нихъ же есть Государь Великій и братъ мой Василій Васильевичъ, ему же Восточніе Царіе прислухаютъ и Великіе князи со землями служатъ ему. Но смиренія ради и благочестія, величества разума и благовѣрія не зовется Царемъ, но Княземъ Великимъ Русскимъ своихъ земель Православія».... а на столѣ богословенъ предъ Царемъ (сидѣлъ) Марко, Ефезскій Митрополитъ вмѣсто Патріарха Александрійскаго и Сидоръ вмѣсто Патріарха Антиохійскаго и Висаріонъ вмѣсто Патріарха Іерусалимскаго».

«Блаженнѣйшій же Марко Митрополитъ Ефезскій нача къ имъ сице глаголати благоразумныя и благоутѣнныя словеса благими, увѣщая ихъ смиреннѣ и благочиннѣ: — «Добро бы вамъ Латинамъ познати истину Божию».

Папа же, слыша таковая словеса, смутися вельми и тако нача глаголати Царю

же и Патріарху:—«Слышите ли ся Царю и ты Патріархъ, како на мя хулу глаголетъ Марко». И Царь заступился за Марка.

И тогда Папа Римскій и многое множество повелѣ книгъ понести досаждающу Марку. Царь же и Патріархъ и Сидоръ единачитъ на совершенія злыя своя прелести, чающе обольстивъ утолити Марка. Послѣдній имъ говорилъ: «Не ходити въ Латинскій градъ Флорентію».

И тогда учиниша себѣ съ папою большой сборъ и записи крѣпкія положиша и подписаша ихъ Царь и съ нимъ Сидоръ Митрополитъ. Блаженнѣйшему же Марку Митрополиту Ефесскому не подписавшуся съ ними въ суетмысленная и прелестная ихъ положенія.

И тако у нихъ скончавшуся сбору ихъ во градѣ Флорентѣ въ лѣто 6948 (1440) мѣсяца Іюля въ 6 день.

И того ради отъ папы Сидору пріимну почестъ велію.

Приде бо на Москву (Исидоръ) въ третью недѣлю поста. И того дни служилъ и рече: «въ первыхъ помяни Господи Папу

Римскаго». Князь же Великій, слыша то и всѣ Епископы, тогда бяху на Москвѣ ту Русіи и пр. множество Православныхъ Христіанъ, мнози вѣдуще Вожеественное писаніе, и тако обличивши о семъ Сидора. И въ лѣто 6949 (1441) Сентября 15 дня Митрополитъ Сидоръ съ Москвы побѣже»^{*)}).

Такъ закончилась Флорентійская попытка, послѣ которой судьба Царьграда и Палеологовъ была рѣшена. Ихъ бросили окончательно въ руки враговъ восточныхъ и тѣмъ довершили начатое въ разгромъ IV Крестоваго похода, обогатившаго Италію сокровищами разграбленной Византіи!...

Отраднѣйшимъ воспоминаніемъ нашего Флорентійскаго пребыванія, — были поѣздки по окрестностямъ. Это сплошной садъ, окружающій Флоренцію, особенно привлекательный, достаточно извѣстный и прославленный: Certosa, villa Reale, san Miniato al monte — вся прогулка dei Colli и волшебный Fiesole съ своею Этрусскою осно-

^{*)} Пут. Сидора Митрополита на Флорен. Соборъ. Византіонка, ч. VI.

вой—все это сливается въ одно стройное, цѣльное и воодушевительное впечатлѣніе.

Осенніе солнечные дни, причудливые повороты горной дороги, роскошная растительность послѣднихъ цвѣтовъ осени, яркое солнце и догорающіе огни заката, воздухъ, душистой листвою пропитанный, все это на яву. Живописные наряды и женскія лица на пути, суровыя, но не аскетическія лица монаховъ, бурныя и грубоватыя рясы съ сандаліями на обнаженныхъ ногахъ, тщательно выхоленныхъ; развалины храмовъ съ остатками надгробій, таинственные переходы подъ сводами обитателей съ лавками и всякою «дрогеріею», съ неизбѣжными напитками мѣстно прославленнаго производства:—все это своеобразное уличное движеніе и скорое вслѣдъ за солнечнымъ закатомъ наступающее затишье быстро темнѣющихъ улицъ, появленіе луны и тихіе вечера при открытыхъ окнахъ и растворенныхъ дверяхъ на балконъ, журчаніе Арно, среди тишины надвигающейся ночи,—все это вмѣстѣ отражалось впечатлѣніями чарующими, успокоительными,

незабвенными! Со всѣмъ этимъ связаны навсегда воспоминанія о живительныхъ поѣздкахъ вокругъ Флоренціи, столь благотворно вліявшихъ на здоровье и на восстановление силъ....

Но сильнѣе всего прочувствовалась первая чудная прогулка въ s. Miniato al monte. Переступая черезъ порогъ храма монастырскаго, видишь ближайшую плиту съ правой стороны отъ входа. Здѣсь нѣкогда похороненъ былъ Theodore Döhler. И вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ, уже на склонѣ дней, суждено мнѣ было поклониться тому мѣсту, о которомъ столько слышался въ жизни, съ которымъ связано столько скорби семейной, гдѣ пролито было столько слезъ.

Мы ѣхали въ открытыхъ коляскахъ, медленно подымаясь въ гору; на высокой и просторной площадкѣ—первая остановка. Подъ нами въ широкой долинѣ красуется городъ. До насъ доносится трезвонъ колоколовъ его, долго неумолкавшихъ. Они придавали впечатлѣнію что-то праздничное; тутъ же въ двухъ шагахъ

убогій нищій, старикъ поигрывалъ на чемъ то, прося милостыню; раздавались звуки знакомой пѣсни, и все вмѣстѣ, въ этотъ тихій теплый вечеръ, служило лишь отголоскомъ того душевнаго настроенія, которое ощущалось во время посѣщенія храма st. Croce.

Все сливалось въ единомъ чувствѣ: настоящее въ лицѣ всѣхъ насъ, пришедшихъ сюда издалика, и прошедшее въ памятныхъ разказахъ, въ письмахъ многихъ и записяхъ. Казалось, что колокольный этотъ звонъ сливался невольно съ переливомъ сороковъ Московскихъ. А среди этой дивной природы Флоренція, въ долину между окрестныхъ горъ, съ лиловыми отраженіями замирала въ вечерней тишинѣ, среди чинаръ и кипарисовъ съ выющимися розами, вокругъ зданій, она, казалось, утопала между нависшими повсюду кручами и стремнинами.

Воздухъ благодатный вечерѣющаго дня, смолкающіе шумы, тихій плескъ струи, вытекающей изъ раселины; богатства растительности и благовоніе цвѣтовъ,—все

это, послѣ долгаго, холоднаго, безотрад-
наго лѣта, къ тому же, среди памятниковъ
и преданій прошлаго, озареннаго геніаль-
ными видѣніями Данта, въ странѣ обѣ-
тованной и дивной—все это оставляло
глубокое, неизгладимое впечатлѣніе!...

Среди дворцовъ и музеевъ въ Уфици па-
лаццо Пити, въ библіотекѣ Лаврентіанской,
Барджелло и на стогнахъ града, всюду
и вездѣ передъ вами возникали памятники
семейства Медичей, столь много потрудив-
шихся для прославленія Флоренціи. На ко-
лоннѣ, украшающей улицу Торнабуони кра-
суется надпись: «Kosmos rex Etrur». Странно
звучитъ это «Rex Etrur», и наименованіе
древней страны съ своимъ загадочнымъ
населеніемъ, столь прославившимся въ
стародавнія времена, своимъ своеобраз-
нымъ и самостоятельнымъ искусствомъ.
Народъ Этрусковъ и донинѣ историческая
загадка съ своими Финикійскими и мало-
азіатскими связями, а также и связями янтар-
наго берега моря Варяжскаго, съ своими Тар-
квиніями и всѣми памятниками своего удиви-
тельнаго быта.... Земля Тосканская (Умбрія)

издревле прославилась сокровищами искусства и выдающимися по дарованію людьми; нашествія иноплеменныхъ не разрушили его незыблемой художественной основы. И та страна, въ которой процвѣтала древняя Перуза, уже въ первоначальныя времена христіанства, привлекая къ себѣ сильныхъ людей сѣвера, славянъ поморія Балтійскаго и иныхъ съ ихъ славнымъ, великимъ вождемъ Θεодорикомъ, пріютила сихъ могучихъ богатырей, словно древняя родина предковъ! И тамъ, гдѣ такъ ярко процвѣтало искусство Византіи, тамъ воздвиглась могила великому вождю, на сродство съ которымъ нашей древней Руси намекаетъ Павелъ Іовій. Вотъ слова его.

«Я спросилъ Димитрія *), не осталось ли у нихъ какого преданія или письменнаго памятника о Готахъ, которые за тысячу лѣтъ предъ симъ разрушили Имперію Цезаря и опустошили городъ Римъ.—Названіе Готскаго народа, отвѣчалъ онъ, равно какъ и имя царя Тотилы у насъ

*) Московскій посолье Димитрій Герасимовъ въ Римъ при Вас. Іоанновичѣ (въ 1525 году).

весьма хорошо извѣстно; въ походѣ же противъ Римской Имперіи принимали участіе многіе народы, — и болѣе другихъ Славяне» *).

Искусство Византіи сослужило ту службу, которая лишь въ недавнія времена оцѣнена по ея достоинству и значенію. Это искусство вдохновило Чимабуе (Cimabue) и его ближайшихъ послѣдователей. Страна же эта и населеніе Перузы дали намъ Перуджино, которому обязаны Рафаелемъ.

Санъ-Дonato, Пратолино, etc., все это виллы побывавшія, и донинѣ еще отчасти оставшіеся въ Русскихъ рукахъ. Быть можетъ, иные владѣльцы оныхъ, когда-то мечтая о роскоши минувшихъ лѣтъ Флоренціи, — почитали и себя продолжателями Медичисовъ, подобно имъ украшая произведеніями искусства, почитая себя какъ бы Римлянами, впрочемъ и не безъ основанія, хотя бы иногда и время упадка Имперіи — время не столько Августа, сколько Августула....

*) Библіотека иностр. писат. о Россіи. Отд. I, т. I-й. II. Ювій, стр. 32.

Съ другой стороны нельзя умолчать и о полезной дѣятельности многихъ соотечественниковъ — благотворительной и издательской. Такъ, съ именемъ Бутурлиныхъ связано изданіе драгоцѣнныхъ бумагъ Флорентійскаго Архива, относящихся къ Россіи и являющееся истинною заслугой.

«Новѣйшія изысканія въ области древностей ранней исторіи Италіи установили существованіе народности, значительно развитой и культурной за нѣсколько вѣковъ до появленія на Палатинѣ соломенной хаты Ромула. Римъ, до своего знакомства съ Греціею, обязанъ былъ Этруріи всѣмъ тѣмъ, что служило къ его развитію и возвышенію, главнѣйшими позаймствованіями въ области искусства и науки, какъ и многими религіозными и социальными учрежденіями и всѣмъ, что служило къ превознесенію его какъ націи.

Два положенія нынѣ представляются несомнѣнными: что земля до прибытія Этрусковъ была уже населена туземцами и что *Этруски сами прибыли изъ чужой страны*

и притомъ съ востока. Они указывали на происхождение «Лидійское».

Судьбы Tarquinii,—продолжаетъ англійскій путешественникъ,—представляются особенно интересными въ связи съ вопросомъ объ Этрускахъ. Въ борьбѣ съ Римомъ Tarquinii имѣютъ особое значеніе. Тассъ называетъ ихъ вторымъ Карфагеномъ: «l'alta Carthago».

Кто были настоящіе строители Тарквиніи и другихъ городовъ этой земли?... По однимъ, переселенцы были Лидійцы—по другимъ Пелазги. Послѣдняго мнѣнія держится новѣйшій Итальянскій изслѣдователь.

Мудрецъ ли, или художникъ изъ Аѳинъ или Коринѳа; жрецъ ли Египетскій, купецъ ли Финикійскій и союзникъ Самнитинъ, Умбрійскій ли подданный, грубый Галлъ, или твердый Римлянинъ, свирѣпый Корсаръ, толпа роскошныхъ гражданъ и красота Тарквиніи,—гдѣ они?

Голосъ вашъ раздается по уединенной пустынѣ, не встрѣчая ни стѣнъ, ни храмовъ, ни дворцовъ, готовыхъ отозваться отзвукомъ:—гдѣ они?...

Города уже нѣтъ давно, едва сохранился камень въ немъ на камнѣ, а жители? Они лежатъ подлѣ сосѣднихъ горъ. Нѣтъ уже никого въ живыхъ, а гробницы считаются тысячами. Здѣсь покоятся остатки Тарквиніи и гражданъ ея, съ ихъ сокровищами золота и серебра, бронзы и керамики, живописи и скульптуры, все то, чѣмъ они прославлялись при жизни, все лежитъ не здѣсь, а тамъ—съ ними вмѣстѣ засыпаннымъ....

Странно, что хотя мѣста ихъ на землѣ хранятъ глубокое молчаніе; гробницы же ихъ намъ повѣствуютъ свою краснорѣчивую быль....

Но возвратимся къ Флоренціи времянь господства Медичисовъ, когда оживились сношенія съ Московскимъ государствомъ.

Вопросы церковные всегда занимали Царя Ивана Васильевича и событія Флорентійскаго собора не остались безъ послѣдствій, особенно съ разгаромъ Уніи въ Западной Руси....

Къ концу его многолѣтняго царствованія состоялась поѣздка въ Римъ посла его

Шевригина, подробности которой любопытны.

При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ отправлено было во Флоренцію посольство Василя Лихачева съ товарищи. Любопытныя подробности статейнаго списка, мало доступныя въ изданіи Вивлюевки, побуждаютъ предложить здѣсь нѣсколько выдержекъ, для освѣщенія установившихся тогда сношеній между Русскимъ правительствомъ и потомствомъ знаменитыхъ Медичисовъ. Въ то время властвовалъ во Флоренціи В. Дуксъ Фердинандъ, встрѣтившій пословъ рѣчью въ Пизѣ*).

«И какъ поѣхали посланики во Флоренскъ, и изъ Флоренска встрѣчали Князя брата Матіаса, Леопольдъ, Янъ Граціанъ сынъ Косма а съ ними градскихъ, начальныхъ, торговыхъ и всякихъ чиновъ людей коретъ со сто и больше; января 12 число, какъ въѣхали въ городъ Флоренскъ, послѣ встрѣчи въ городъ принялъ и на княжій дворъ въ палаты поставилъ

*) Вивлюевка, т. IV.

братъ княжій Матиасъ; и стояли на княжемъ дворѣ недѣлю. А во дворѣ палаты о осьми жильяхъ съ 250 и во всѣхъ запоны драгіе, и столы аспидные, писаны золотомъ травы; а палаты подписаны золотомъ, а чернильница, изъ чего писали, золотая, фунтовъ въ 30, а вмѣсто песка руда серебряная. А кресла крыты бархатомъ участочнымъ; а отходы крыты бархатомъ Флоренскимъ: выпражняють ихъ по вся дни».

Послы наши помѣстились на «Княжемъ дворѣ».

«А на томъ же Княжемъ дворѣ садъ рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, и устроенъ Іорданъ; и выше Іордана сажени двѣ вверхъ, безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь. А около Княжова двора древа кедровыя и кипарисовыя и благоуханіе велие, и о Крещеніи жары великія,—у насъ на Руси таково о Ивановѣ днѣ. Яблока великія и лимоны родятся по дважды годомъ; а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца».

Пословъ возили по городу и показывали строенія и палаты.

«А градъ (Флоренскъ) безмѣрно строенъ, согражденъ палатами превысокими, а столповъ превысокихъ сажень по 50 и больше во Флоренскъ съ шесть. А кирпичи зѣло стройны, а иную дѣлаютъ лѣтъ 20: трутъ пилѣми все камень аспидъ».

Они наблюдаютъ за обычаями Флорентійцевъ; «а извычай у жителей таковъ:— мужи и жены честныя, и дѣти ходятъ всѣ въ скуратахъ, сирѣчь въ личинахъ всякихъ цвѣтовъ, а у женъ сосцы голы и на головахъ нѣтъ ничего».

Послы осматриваютъ казенныя палаты, оружейный дворъ, дворъ конюшенный— «а въ немъ иноходцевъ и аргамаровъ съ 400».

«Они же казали два льва да 2 медвѣдя живыхъ, 2 птицы строфокамилы, одна птица снесла ейцо, тому часа нѣтъ, а тянетъ полпята фунта ($4\frac{1}{2}$). Князь послалъ къ посланникамъ величиною съ шапку, яичницу, ѣли 27 человекъ изъ одного яйца».

Подробно описывается обѣдъ, данный Лихачеву Княземъ Фердинандомъ:

«Января въ 20 день, Царскаго Величества посланникамъ билъ челомъ Князь за столъ хлѣба ѣсте; и посланники устроены по посольскому обычаю, пошли къ столу, а Князь встрѣчалъ ихъ съ братьями въ третьей палатѣ. И пришедъ въ палату, за столъ сѣли Князь, а подлѣ Князя посланникъ Василій Лихачевъ, подлѣ него Княжій братъ Матиасъ; на другой сторонѣ сидѣли княжій сынъ Косма, подлѣ его дьякъ Иванъ Ооминь, подлѣ его Княжій братъ Леопольдъ....

На столѣ устроены три орла двоеглавые: первый орелъ сдѣланъ на сахарѣ вышиною въ аршинъ, устроены жемчугомъ большимъ и каменіемъ драгимъ, въ срединѣ онаго изображенъ великій Государь нашъ на аргмакѣ, въ рукѣ скипетръ держитъ, другой орелъ янтарный съ жемчугомъ и съ каменіемъ; третій орелъ на бѣлой тафтѣ, также съ жемчугомъ и каменіемъ. А яства были на столѣ всѣ дѣланы съ вымысломъ мастерскимъ: звѣри и птицы и рыбы и всѣ съ сахаромъ. А предстоящихъ передъ Княземъ стольниковъ

браныхъ молодцовъ въ золотѣ человѣкъ съ 200 и иныхъ три палаты полны. А какъ дошло пити чаши про Великаго Государя нашего Царя и про Царицу и про Царевичевъ и про Царевенъ, и посланники вышедъ изъ-за стола съ великимъ подобо-бострастіемъ пили учтиво, а прежде питія титулы говорили полныя про Государское многолѣтнее здравіе и про Царицыно и про Царевичевъ и про Царевенъ; а Князь и братія и сынъ и всѣ въ то время стояли; въ то-же время играли по музыкѣ и кимвалы и въ органы и два трубача и восемь гудцовъ. И бывъ, посланники изъ-за стола пошли къ себѣ въ палаты.

И послѣ присылалъ Князь посланниковъ къ себѣ въ палаты звати, а у него собрано большихъ думныхъ людей съ женами съ 400 человѣкъ, и ночь всю танцовали самъ Князь и сынъ и братья и Княгиня....»

Русское посольство было приглашено на комедійное представленіе, видимо всѣмъ понравившееся.

По приказанію Князя—говорять по-слы:—«объявились палаты, и бывъ палата,

и внизъ уйдетъ, и того было шесть пере-
мѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объяви-
лося море колеблемо волнами, а въ морѣ
рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а въ
верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ
люди: и почали облака и съ людьми на
низъ опущаться, подхватя съ земли чело-
вѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли;
а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ,
туда же поднялися вверхъ за тѣми на
небо.

Да спуцался съ неба же на облакѣ
сѣдъ чловѣкъ въ коретѣ, да противъ его
въ другой коретѣ прекрасная дѣвица, а
аргамачки подъ коретами какъ быть живы,
ногами подрягиваютъ: а Князь сказалъ,
что одно солнце, а другое мѣсяць.

А въ иной перемѣнѣ: въ палатѣ обя-
вилоса поле, полно костей чловѣческихъ,
и враны прилетѣли и почали клевать кости;
да море же объявилоса въ палатѣ, а на
морѣ корабли небольшіе и люди въ нихъ
плаваютъ.

А въ иной перемѣнѣ объявилоса чело-
вѣкъ съ 50 въ латахъ, и почали саблями

и шпагами рубиться, и изъ пищалей стрѣляти, и челоуѣка съ три какъ будто и убили; и многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ; и многіи диковинки дѣлали; да выпедѣ малый и почалъ просать ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опрѣсочныхъ давали, а накормить его не могли».

Ходили послы смотрѣть строю и игры ратнаго дѣла, и были на рынкѣ, на особо устроенномъ мѣстѣ, крытомъ бархатомъ.

И ѣздили послы по потѣшнымъ дворамъ и по палатамъ 8 дней; а во дворцѣ нижнихъ палатъ съ 50, и верхнихъ съ 50: а въ нихъ стройство и вещи предивныя однозолотныя, янтарныя и хрустальныя; и столы аспидные, навожены драгими травами съ золотомъ; и во всякой палатѣ стекла хрустальныя, въ виду весь челоуѣкъ аршина въ полтора. Мѣста и ковры и запоны драгіе, разными образцы; и каковы палаты, таковы и запоны одноканья, а на нихъ писаны бытія и иныя вещи. А въ иныхъ палатахъ проведена вода прехит-

рымъ дѣломъ: отвернувъ щурупъ, и всѣхъ людей въ палатѣ омочить; а идетъ вода на разныя капли изъ камени изъ рѣшетокъ желѣзныхъ, и капли идутъ на конское побѣжище; а щурупъ завернуть, и воды станетъ только.

А въ садахъ красота и благоуханіе ароматное, древа всѣ кедровыя и кипарисныя. Въ Февралѣ мѣсяцѣ плоды зрѣютъ: яблока предивныя и лимоны двои: одни величествомъ по шапкѣ, и виноградъ двойной: бѣлый да вишневый, и анисъ. А питья, вино церковное свѣжее, и бѣлое Французское, и малвазія, и аликантъ; а водокъ нѣтъ никакихъ, только лишь яковишка: пуце тройного вина, а пить дадутъ всего щурупъ, или два стеклянныхъ. А ягодъ винныхъ и изюму нѣтъ, а иныхъ овощей много: арбузы, груши, смоквы, а иныхъ именъ не знаю. А днемъ отъ солнечнаго зноя не можно ходить, и въ Февралѣ всѣ кроются въ палаты; а красоту въ садахъ нельзя описать: потому что не бываетъ у нихъ зимы и снѣга ни одного мѣсяца. Рыбныхъ садовъ много же, а рыбы дикія

безчешуйныя. А затѣмъ и игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много; а иные люди сами играютъ въ органы, а никто ими не движеть; а иного описать не умѣешь: потому кто чего не видалъ, тому и въ умъ не прійдетъ».

Настало наконецъ время отъѣзда по-словъ.

На прощаніи Княгиня Анна говорила посольству такія ласковыя рѣчи:

«И мы у В. Ц. Вашего у посланниковъ милости просимъ и челомъ бьемъ, не позорить намъ въ нашемъ неразуміи и простотѣ, въ чемъ мы вамъ не уноровили и не учтили, и что будетъ по вашему извычаю сдѣланы, потому что мы не вѣдаемъ, чѣмъ вамъ уноровить: помилуйте насъ, покройте своимъ благоутробіемъ и милостию и В. Г. вашему про наше тщаніе и радѣніе и любовь скажите и милости у него В. Г. о насъ попросите, чтобы онъ В. Г. мужа моего и сына и братію впредь жаловалъ, а мужъ мой и сынъ и братія вѣчные его рабы и холопы, и о томъ вамъ челомъ бью. И изговоря посланни-

камъ рѣчь, пошла къ себѣ въ палаты». Послы, нагруженные подарками, февраля въ 15 день изъ Флоренска выѣхали*).

.....

Улицы города узки и ѣзда въ нихъ трудная и понынѣ. Самая модная и людная улица Торнабуони, за нею улица Сегетани—гдѣ находятся и лучшіе магазины и тутъ же ресторанъ Донè (Doney), о которомъ упоминаетъ дневникъ 1843 г.; около него красуется классическій фонарь дворца Strozzi; особенно много лавокъ съ продажей древностей, мебели и иныхъ мѣстныхъ издѣлій деревянныхъ и мозаичныхъ, рамы и столовыя доски, мраморныя издѣлія Каррары. Нельзя не отмѣтить производство изъ терракоты, фабрики Signa, копій съ древнихъ прекрасныхъ образцовъ; а также произведеній изъ фарфора фабрики «Ginoga», лучшая же фотографія Alinari, гдѣ имѣются коллекціи разнообразнѣйшихъ снимковъ.

*) Древняя Россійская Вивлюевка, — часть IV. Посольство Лихачева во Флоренцію, стр. 350—353.

Справедливо скорбятъ путешественники и между ними даровитый Ruskin, что распоряженіями правительства значительно стирается древній отпечатокъ Флоренціи, хотя бы ради культурныхъ усовершенствованій. Видна послѣдовательная вездѣ забота объ укрѣпленіи и прославленіи пришлого дома Савойскаго.

Статуи Виктора Эмануила столь же вездѣ неизбѣжны, какъ и статуи Гарибальди и площади Кавура; и далеко не всегда эти изображенія отличаются художественными достоинствами!

Особенно бросается въ глаза изобиліе циркуленъ, часто красуются вывѣски *ragucchie* и виднѣются головы съ намыленными подбородками. Въ меньшемъ почетѣ заведенія прачешныя съ вывѣсками *stireria* (отъ слова *stiratrice*—), онѣ чередуются съ неизбѣжными продуктами въ лавкахъ, на ряду съ вывѣсками наилучшихъ и самыхъ щеголезатыхъ магазиновъ.

Городской садъ «Калины» (*Cascines*) не произвелъ на насъ особаго впечатлѣнія. Общій складъ Флорентійской жизни—тихий,

въ окрестныхъ виллахъ живетъ мирно и относительно уединенно. Особенно красивы тѣ, которыя недалеко отъ Королевскаго сада Boboli. Правда, прогулка въ послѣднемъ нѣсколько утомительна, ради частыхъ подъемовъ по чередующимся террасамъ. Но видъ многочисленныхъ аллей и площадокъ съ своими «шармилями», среди разнообразныхъ переходовъ—истинно чарующій.

Садъ Boboli, прилегающій къ дворцу Pitti, и самый дворецъ съ своими сокровищами—это лучший уголокъ во Флоренціи, всего болѣе оставляющій впечатлѣніе. Нельзя не сожалѣть, что отпечатокъ древней Флоренціи ежегодно сглаживается.

Въ 1697 году на возвратномъ пути съ о. Мальты и изъ Рима прибылъ во Флоренцію посолъ Петра Великаго бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Онъ посланъ былъ Петромъ съ различными дипломатическими порученіями, и поѣздка его за границу была вторичная. Первая ограничилась Вѣною*).

*) Зап. Пут. В. П. Ш.

«Въ Флоренцію изъ Рима пріѣхалъ (онъ) въ осьмой день, т. е. 26 числа Іюня. Флоренція городъ великой, больше Венеціи, палаты въ немъ дѣланы особливимъ строеніемъ, а не такъ какъ въ Римской и Венеціанской областяхъ, сквозь городъ Флоренцію течетъ великая рѣка, называемая Арно, черезъ нее четыре моста великіе съ разными фигурами. Палаты грандъ дюка Флоренскаго великія и зѣло украшенныя; тутъ есть превеликая церковь, вся сдѣлана отъ земли и до креста изъ разныхъ мраморовъ, а простаго камня нигдѣ нѣтъ. Въ оной церкви сказывали былъ Соборъ Флоренскій, и есть книга за руками всѣхъ тѣхъ, которые были на томъ соборѣ въ церкви. Боярину сію книгу показывали. Колокольня сдѣлана вся изъ бѣлаго камня въ рѣзныхъ столбахъ, а на ней крестъ на одномъ виноградномъ деревѣ, какова винограднаго дерева нигдѣ не обрѣтается.

Другая церковь строится, гдѣ стоятъ гробы грандъ-дюковъ Флоренскихъ, вся изъ разныхъ драгоцѣнныхъ мраморовъ,

каковой церкви нигдѣ не наѣзжали; а какъ сію церковь начали строить тому 120 лѣтъ, и только еще въ половину состроена и всегда непрестанно строится, и прсвеликая, сказываютъ, на нея тратится казна.

По приѣздѣ во Флоренцію взяли квартиру на постояломъ дворѣ. И того же вечера, о приѣздѣ Боярскомъ свѣдавъ, Грандъ-дюкъ прислалъ къ Боярину часу въ третьемъ ночи Аббата Патра Франциска, который приѣхавъ говорилъ боярину:

«Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго, Великаго Государя, Его Царскаго пресвѣтлаго Великаго Московскаго и иныхъ премногихъ и преславныхъ Государствъ автократора и Императора ближній Бояринъ и Намѣстникъ Вятскій Б. П. Шереметевъ и войска его великій Генералиссимусъ, прислалъ меня до знатнѣйшей особы Вашей Пресвѣтлѣйшій Грандъ-Дюкъ Флоренскій Козмусъ Третій де-Медицисъ, повелѣлъ тебя спросить о здоровьѣ, черезъ меня нижайшаго своего раба, препосылаетъ тебѣ свое поклоненіе, радуется же тому не мало, что дождался въ свое Государство

вашу милость такова пріятнаго гостя, то-чю о семъ скорбитъ, что не сдѣлавъ о себѣ извѣстія, къ намъ благоволилъ при-быти безъ учиненія всякой подобающей твоему славному и высокородному имени чести; однакоже и то разсуждаетъ, что знатнѣйшая твоя особа учинити то благо-волила по своей волѣ и приписуетъ то мудрымъ твоимъ поступкамъ; а мнѣ при-казалъ служить твоей милости каретами своими со служителями и со скороходами и, гдѣ угодно, изволь въ нихъ ѣздить, притомъ же просить Его Свѣтлость о томъ, чтобы гдѣ ваша милость изволилъ самъ видѣться съ Его Свѣтлостію Грандъ-дюкомъ».

И на завтра ѣздилъ Бояринъ съ братья-ми своими*) и съ Аббатомъ Патромъ Фран-цискомъ въ двухъ дюковыхъ каретахъ и былъ въ оныхъ двухъ вышеупомяну-тыхъ церквахъ, потомъ были во звѣринцѣ и видѣли большихъ львовъ и львицъ и по полугоду молодыхъ львовъ, также барсовъ, медвѣдей, волковъ, лисицъ, пес-

*) Воспліемъ и Владиміромъ Петровичами.

цовъ бѣлыхъ, котовъ морскихъ и великихъ орловъ.

Юня 24 числа ѣздилъ Бояринъ въ ихъ же Княжихъ каретахъ и съ тѣмъ же Аббатомъ во дворецъ къ Грандъ-дюку, и какъ пріѣхали ко входу въ палаты, встрѣтили тутъ Боярина многіе его министры, и самъ Грандъ-дюкъ встрѣтилъ въ другой палатѣ и привитался любезно, взялъ боярина за руку и повелъ въ свою палату по правую себя руку, и говорилъ: «Зѣло радуюсь, видя въ домѣ моемъ такого пріятнаго гостя, котораго слыша содержаща путь свой въ Италіанскихъ краяхъ и далѣе, попремногу всесердечно желалъ видѣти, котораго моего желанія нынѣ не лишился».

Бояринъ отвѣтилъ пристойнымъ образомъ, послѣ чего Грандъ-дюкъ изволилъ казать боярину печатную на листѣ персону Его Царскаго Величества въ Нѣмецкомъ платьѣ и говорилъ:

«На сію Его Царскаго Величества персону смотря, какъ на самого Его, истинно чиню всегда ему почтеніе».

Также казалъ ландкарты Чернаго моря и говорилъ:

«Что оную ландкарту Его Царское Величество благоволилъ сочинити самъ своими руками».

И водилъ боярина въ другую палату, въ которой показывалъ камень алмазь гра-
ненный, величиною съ лѣсное яблоко, со
всѣ стороны равень, также премногія
разныя драгоцѣнныя запоны, и множест-
во бурмицкаго жемчугу: иной жемчугъ
величиною есть съ Русской орѣхъ, и въ
одной запонѣ казалъ висячей красной
лалъ величиною съ большое лѣсное ябло-
ко и многія другія вещи показывалъ; и
много разговаривая о воинскихъ дѣлахъ,
Боярина отпустилъ и проводилъ до той
же палаты, гдѣ встрѣтилъ.

Были въ одиннадцати казенныхъ пала-
тахъ. Въ первой палатѣ показывали быв-
шаго во Флоренці Собора описаніе на
великомъ листѣ, на которомъ Цезарь Гре-
ческій и всѣ, кто были на ономъ Соборѣ,
подписали свои имена своими руками; въ
прочихъ палатахъ показывали премногое

сокровище золота, серебра, дорогихъ каменьевъ, разныхъ шкатулокъ съ каменьями, разныхъ живописныхъ картинъ, ружья и сѣдель разныхъ государствъ, въ чемъ состоитъ великое богатство и наблюдается чистота.

Тогожь дня ввечеру Грандъ-дюокъ прислалъ Боярину въ дарахъ съ тѣмъ же аббатомъ шкатулку изъ разныхъ каменьевъ: оная шкатулка рѣзная, оправлена серебромъ, а въ ней два ящика со многими лѣкарствы. Съ нимъ же аббатомъ прислалъ списокъ съ книги Флоренскаго собору. И бояринъ онаго присланаго дарилъ двѣ пары соболей да косякъ камки, цѣною всѣ пятьдесятъ рублевъ, а возницамъ Княжимъ и лакеямъ и скороходамъ дано дватцать червонныхъ»*)).

25 Июня выѣхалъ В. П. Шереметевъ въ Болонью. То былъ уже возвратный путь его въ Россію.

*) Записка путешествія В. П. Шереметева въ 1698 году, стр. 84—86.

*
* * *

Съ Флоренціей неразрывно связанъ цѣ-
лый рядъ именъ. Всюду, куда бы вы ни
шли, они раздаются вамъ во слѣдъ, вы
роднитесь съ ними. Такъ, во весь ростъ
встаетъ передъ вами величавый образъ Дан-
та, онъ за вами слѣдуетъ въ Римъ, въ Ра-
венну и въ предгорія оз. Гарда, за нимъ
поэты, зодчіе, ваятели и живописцы, стро-
ители и художники различныхъ вѣковъ и
направлений. За непосредственнымъ по про-
стотѣ Cimabue, вдохновенный его продол-
жатель Giotto. Цѣлая вереница именъ и
лицъ проходитъ передъ вами, въ живыхъ
образахъ, въ оставленныхъ ими безсмерт-
ныхъ произведеніяхъ. Родственно звучатъ
вамъ имена Ghiberti, Donatello, Brunelleschi
Luca della Robbia; за строгимъ Giotto, ча-
рующій Beato Angelico—Sandro Boticelli, Fra
Bartholomeo, тутъ же и выразительный,
вдохновенный и рѣзкій профиль, вамъ столь
знакомый, невольно запечатлѣвающійся въ
памяти. Онъ неразрывенъ съ Флоренціею.
То восторженный ликъ Саванаролы, про-

повѣдника пламеннаго и искренняго, погибшаго смертію позорного, незаслуженною.

Съ именемъ Саванаролы вспоминается письмо Шевырева (изъ Флоренціи 1 апрѣля 1861 г.) къ М. А. Максимовичу:

«Одному Профессору Пизанскаго университета, Виллари, который издалъ замѣчательную книгу объ Іеронимѣ Саванаролѣ, я сообщилъ выписку изъ сочиненій Максима Грека, который зналъ Іеронима лично, слушалъ его проповѣди и говоритъ объ немъ съ большимъ сочувствіемъ, какъ о святомъ. Сближеніе удивительное: Максимъ Грекъ и Іеронимъ Саванарола въ концѣ XV вѣка во Флоренціи... Максимъ былъ тогда еще очень молодъ *).

*) Русск. Арх. 1872., стр. 1201.

Приснопамятный П. П. Барсуковъ писалъ мнѣ 23 февраля 1902 года: «иногда я увлекался Максимомъ Грекомъ и въ моемъ архивѣ хранятся обширныя выписки изъ его твореній, и одна изъ нихъ носитъ заглавіе: «Максимъ Грекъ о Саванаролѣ». Эту выписку, о которой упоминаетъ Шевыревъ въ письмѣ къ Максимовичу, сличивши съ подлинникомъ, я вамъ представлю, и она будетъ не лишнею въ вашей «Флоренціи»... Но замѣтка моя задержалась, а П. П. Барсукова не стало 23 ноября 1906 года.

Вотъ подлинный его рассказъ, какъ очевидца: «Инока Максима Грека повѣсть страшна и достопамятна о совершенномъ иноческомъ жительствѣ»^{*)}).

«Флоренція,—говоритъ Максимъ Грекъ,—градъ есть прекраснѣйшій и предобрѣйшій сущихъ въ Италиі градовъ, ихъ же самъ видѣхъ; въ этомъ градѣ монастырь есть мниховъ, отчина—глаголемыхъ по Латынски предикаторовъ, еже есть Божіихъ проповѣдниковъ. Храмъ же священная сія обитель Святѣйшаго апостола и евангелиста Марка.

Въ сей обители игумень бысть нѣкій священный инокъ Геронимъ, званіемъ Латынинъ и родомъ и ученіемъ преполоня всякія премудрости и разума богодохновенныхъ писаній и внѣшняго показанія, сирѣчь философіи, подвижникъ презѣленъ и божественною ревностію довольно украшенъ.

Ревностію Божіею разжегся, совѣтъ совѣтовавъ добръ и богоугоденъ, сирѣчь

^{*)} Сочиненія Пр. Максима Грека. Казань, т. III, стр. 194—202.

учительнымъ словомъ пособити граду оному и истребити отъ него въ конецъ нечестія.

Сіе совѣтовавъ, начать учить въ церкви люди Божія, во храмъ св. Марка Евангелиста, жителемъ града того и возлюбленъ бывъ отъ всего града, помолиша его въ той самой соборной церкви пришедшу учить ихъ Божию слову и закону, и онъ возлюбилъ ихъ совѣтъ и изволеніе и усердіемъ подъятъ, иже по Бозѣ сицевъ подвигъ по вся недѣли и нарочиты праздники и во вся дни всеа святя четыредсятницы собирався въ соборную церковь, предлагаше имъ учительное слово отъ високаго сѣдалища, стоя на два часа и толико возможе слово, яко большая часть града возлюби крѣпкая и спасительное ученіе его.

Онъ же, Спасову кротость и долготерпѣніе ко всѣмъ подражая, исправленія ждалъ, сего ради на самихъ иже во властехъ церковныхъ суть, а не апостолы подобны живутъ и о паствѣ Спаса Христова не цекутся, ниже тѣхъ хваля-

ше, но безъ страха обличаше прегрѣшенія ихъ и глаголаше часто, аще бы мы жительствоваали достойно Евангелію Спаса Христа, вся убо всяко иновѣрныя языки обратились бы къ Господу, зряще наше равноангельское житіе; нынѣ же супротивно ангельской заповѣди живуще и ниже себѣ исправляемъ, ниже иныхъ ко благочестію руководити печемся, что ино слышать и чаемъ отъ праведнаго Судіи развѣ сего: горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣры, яко затворяете царство небесное предъ челоуѣки, сами не входите и хотящая внити возбраняется имъ.

Сія глаголя не обинуяся и аще же жесточайшими сихъ словесы зазирая удивляемому у нихъ папѣ и сущимъ о немъ Кардинаремъ и протчему причту ихъ, большія ненависти и вражды вину далъ на себя возненавидившимъ изначала священныхъ его ученій, еретика бо его и хульника и льстеца нарицаху.

Дойде же до Рима сицевою о немъ слухъ, и папу и сущаго о немъ притча зѣло смутилъ.

Онъ же не точию не послушалъ беззаконныхъ совѣтъ сицевой, но наипаче разжжесея божественною ревностию и соборная ихъ посланіе неправедно и Богу неугодно обличаше, аки не повелѣвающе ему не учить въ церкви вѣрныхъ.

И сего ради множае пребываніе обличал ихъ беззаконія. Враги не дремали.

Онъ осужденъ на смертную казнь огнемъ, аки непокорна и досодителя и клеветника апостольскія Римскія церкви. Пришедъ же во градъ Флоренскій и показавъ большимъ градоначальникомъ грамоты папины (Іоакима), поставилъ его на судилище и мучительски испыташа его: и оному со дерзновеніемъ отвѣчающе противу всѣхъ лукавствъ неправеднаго испытателя и судей, не могущу обвинить его, свидѣтели лживы, отъ части беззаконныхъ возсташа на онаго преподобнаго, и имъ же повинувшесе неправедніи они судіи сугубою казньо осудиша его, и ины два священныя мужа, споспѣшники его на дровѣ повѣсивше и сожгоша ихъ.

Таковъ конецъ житію преподобныхъ оныхъ аріяхъ инокъ, и таково имъ возмездіе о подвизѣ яже за благочестіе отъ непреподобнѣйшаго ихъ Папы».

«Сія же пишу», продолжаетъ Максимъ Грекъ», не яко да покажу Латинскую вѣру чисту, совершену и прямоходящу во всѣхъ—да не будетъ во мнѣ таково безуміе, но да яко покажу Православнымъ, яко не у правомудренныхъ у Латинехъ есть попеченіе и прилежаніе Евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спасителя Христа» *).

То было дѣйствительно удивительное сочетаніе двухъ замѣчательныхъ характеровъ, которымъ суждено было такъ различно и такъ отдаленно другъ отъ друга пострадать за свои убѣжденія.

Santa Croce, Santa Maria Novella съ монастыремъ св. Марка, и Музей Bargello, съ усыпальницею Медичей,—все это воспоминанія глубокия, неизгладимыя.

*) Сочиненіи Пр. Макариа Грека. Казань, т. III, стр. 194—202.

Въ этомъ перечнѣ какъ умолчать о создателѣ храма Santa Croce, себѣ приготовившемъ тамъ свѣтлое и тихое пристанище — Микель Анджело Буонарроти!

*

Впервые посѣтила въ 1842 году Флоренцію Елизавета Сергѣевна Шереметева, и полюбила она ей, какъ и вся Италия. Тогда еще не могла она предвидѣть, что будущая судьба ея такъ связана будетъ съ этимъ городомъ! Въ немъ прожила она лучшіе годы своего замужества съ Theodor Döhler; сюда же пріѣзжалъ гостить къ ней позднѣе меньшей ея братъ Борисъ Сергѣевичъ Шереметевъ († 28 декабря 1906 г.). Сохранились рисунки и акварели художника Н. И. Тихобразова, изображающіе ихъ помѣщеніе. Воспоминаніями о Флоренціи и видами ея окружена была Е. С. до конца своихъ дней *).

*) Теперь, эти дорогія ей воспоминанія, вмѣстѣ съ тѣмъ, что сохранилось объ ея мужѣ, бережно хранятся въ с. Михайловскомъ, въ той комнатѣ дома, гдѣ она всегда лѣтомъ жила въ 70-хъ годахъ и до своей кончины. Въ этой, столь дорогой и памятной мнѣ комнатѣ, съ альковой, нѣкогда скончалась Анна Семеновна Шереме-

Приведемъ отрывокъ изъ ея перваго Флорентійскаго дневника, когда она еще молодою дѣвушкою сопутствовала своей старшей сестрѣ Гр. А. С. Шереметевой.

30 Апрѣля. Воскресеніе. Флоренція.

18.

Выѣхали изъ Сіенны въ восемь часовъ, чудная погода, дорога очень оживленная, всѣ крестьяне шли въ городъ къ празднику. Вся дорога точно садъ, каждый клочекъ земли обработанъ. Пять почтовыхъ станцій до Флоренціи, городъ открывается только, когда къ нему подъѣзжаешь къ самымъ воротамъ, потому что онъ расположенъ среди горъ; городъ производитъ хорошее впечатлѣніе, красивыя

тева, ур. княжна Львова, бабушка Анны Сергѣевны и Елизаветы Сергѣевны Шереметевыхъ.

Въ Архивѣ с. Михайловскаго сохранилась обширная переписка Елизаветы Сергѣевны. Особенно часто писала она изъ Флоренціи, и со многими подробностями. Она вообще охотно и много писала. Помнится, что первое письмо ея ко мнѣ изъ за границы, писанное на большомъ листѣ обычными ей синими чернилами, было съ большимъ рисункомъ, изображавшимъ Флоренцію. Съ дѣтства сохранился у меня въ памяти этотъ городъ, долго казавшійся недостижимымъ.

улицы, чистые дома. Въ четыре часа вошли въ гостинницу Италія. Чудная квартира; сейчасъ же пообѣдали, привели себя въ порядокъ, разобрались немножко, и я пошла съ Анютой *) въ одну изъ церквей больницы Св. Іоанна, *которая противъ гостинницы. Затѣмъ увидавъ большое стеченіе народа у угла нашей улицы, мы подошли и узнали, что ждутъ процессію съ Святыми Дарами. Маленькій **) былъ очень веселъ. Онъ очень милый мальчикъ и если становишься строгій, онъ тотчасъ же послушенъ, какъ агнецъ. Много изящныхъ экипажей, такъ какъ улица Фортанини ведетъ къ Кашинамъ.

Флоренція 1 Мая. Понедѣльникъ.

19 Апрѣля.

Вышла въ десять часовъ, пошла въ соборъ, очень хорошъ снаружи, въ Крещатикъ, нѣсколько великолѣпныхъ ваяній,

*) Гр. Анна Сергѣевна Шереметева.

**) Гр. Николаіи Димитріевичъ Шереметевъ, къ которому во время путешествія она особенно привязалась.

потомъ въ Академію Художествъ. Св. Францискъ изъ Чиголи (Chigoli) и нѣсколько прекрасныхъ картинъ Флорентійской школы, осмотрѣла картины новой школы, хорошая картина Тасса.... Затѣмъ въ монастырь Благовѣщенія. Чудная церковь, пѣли акаѳистъ когда мы взошли. Фреску Благовѣщенія Бартоломея не показываютъ безъ разрѣшенія. Спаситель изъ бронзы, работы Бенвенуто Челлини, который тутъ похороненъ. Монастырь доминиканцевъ. Оттуда пошли въ монастырь Св. Марка. Церковь небольшая, дворъ и внутренность зданія напоминаютъ наши монастыри. Тутъ находятся мощи Св. Антонія. Близъ двери прекрасная статуя Спасителя.

Чудная фреска Андрея дель Сарто, называемая Пресвятая Дѣва съ мѣшкомъ. Онъ написалъ ее во время голода за мѣшокъ муки.

Вернулись домой, обѣдали въ 4 часа. Пошла съ Николаемъ въ Кашины. Прелестная прогулка, совсѣмъ деревня. Встрѣтила Кочубеевъ и Бѣлосельскихъ. Дѣти играли; затѣмъ зашли къ Балашовымъ,

прекрасная погода, и наконецъ вернулись домой. Пили чай, Анюта пѣла, а я играла на фортепіано, а въ девять часовъ вечеръ нашъ окончился. Мой глазъ мнѣ очень мѣшаетъ, я совсѣмъ не знаю, что я должна дѣлать.

Флоренція 2 Мая. Вторникъ.

20 Апрѣля

Написала маменькѣ, потомъ пошла съ маленькимъ въ виллу Каппони къ дѣтямъ Томасъ; довольно долго оставалась тамъ, у дѣвочекъ премилыя лица. Встрѣтила Балапovýchъ, они покидали городъ, а мы возвращались. По возвращеніи домой получила письмо отъ маменьки; слава Богу, хорошія извѣстія. Послѣ обѣда мы вышли, чтобы посѣтить три монастыря: Святаго Духа, прекрасная церковь, чудной архитектуры, въ ризницѣ рисунки Микель Анджело; монастырь Кармъ и Святаго Креста, въ которомъ памятники Маккіавелла, Микель Анджело, Алфіери, Галилея и Данта. Зашли къ Донэ, ѣли моро-

женое. Вернулись домой, погода мягкая, но дождливая. Сырость дѣйствуетъ на мой глазъ. Скучно, что ничѣмъ нельзя заниматься.

Флоренція 3 Мая. Среда.

21 Апрѣля

Вышли въ 11. Отвели маленькаго въ садъ Боболи и вошли въ дворецъ Питти, чтобы осмотрѣть картинную галлерею. Мы только прошли по заламъ, такъ какъ черезъ полчаса запирали залы. Долго стояли передъ знаменитой Мадонной Рафаеля. Чудное твореніе. Много великолѣпныхъ картинъ, которыя мы видѣли мимоходомъ, обѣщая себѣ вернуться непременно. Обошли дворецъ, такъ какъ Герцогъ въ Неаполѣ. Видѣли Мадонну Рембрандта, которую можно видѣть только во время его отсутствія. Ничего особеннаго въ устройствѣ комнатъ... Пошли за маленькимъ въ садъ, который очень великъ и очень красивъ. Пробыли въ саду болѣе часу, вернулись къ обѣду, за-

тѣмъ опять вышли и осмотрѣли монастырь Св. Лаврентія, часовню Медисовъ, Св. Гаэтана, Санта Марія Новелла, зашли къ Корніани, посидѣли у нихъ и вернулись домой. Весело видѣть, какъ она *) счастлива. Дай Богъ, чтобы и впередъ такъ было. Окончили вечеръ очень благоразумно въ десять часовъ. Весь день дождь; воздухъ удивительно мягкій. Какое наслаждение всѣ эти чудные цвѣты, которые здѣсь видишь.

Флоренція 4 Мая. Четвергъ.

22 Апрѣля

Въ одиннадцать часовъ пошли къ Св. Гаэтану, гдѣ былъ праздникъ и музыка съ большимъ оркестромъ. Народу масса и большая жара. Скоро ушли и отправились въ Палаццо Веккіо, гдѣ такъ много достопримѣчательностей, что мы тамъ пробыли до двухъ часовъ и все-таки не все видѣли. Огромный корридоръ, наполненный

*) M-me Corniàni.

статуями и художниками, копирующими картины. Въ послѣдней комнатѣ разговорились съ пріятнымъ художникомъ, французомъ. Онъ, кажется, карандашемъ срисовывалъ двухъ старыхъ фигуръ. Зала съ портретами очень интересна. Прежде всего останавливаешься надъ Рафаелемъ, чудное лицо. Подъ нимъ его учитель Перуджино, надъ нимъ его ученикъ Юлій Романо. Миккель Анджело, Тиціанъ, Карло Дольче очень напоминаютъ всѣ эти картины. Вернулись къ обѣду; въ 4 пошли съ маленькимъ въ садъ Боболи, который осмотрѣли вдоль и поперекъ. Онъ мнѣ очень понравился. Въ ботаническомъ саду масса чудныхъ цвѣтовъ. Розовое дерево, лиловая Аралія. Погода великолѣпная, мы привели маленькаго домой и покатались въ Кашинахъ. Вернулись къ чаю, немного поиграла на фортепіано, и легли спать. Мы каждый день у окна прощаемся съ свѣтомъ. Улица такъ оживлена, что трудно оторваться отъ нея; кромѣ того насъ забавляетъ монахъ Св. Іоанна противъ насъ.

Флоренція 5 Мая. Пятница.

23 Апрѣля

Отвезла маленькаго къ Томасамъ; по возвращеніи въ городъ пошли опять въ Палаццо Веккіо, вошли въ залу съ сокровищами (gemmes) и обошли всѣ залы. Увидѣла бѣлокураго художника и прости-лась съ нимъ, вѣроятно навсегда. Вернулись домой къ обѣду. Пошли въ виллу Каппони, гдѣ очень забавлялась съ дѣтьми. Такъ было красиво видѣть всѣ эти прелестныя головки среди розановъ и свѣжей зелени. Вернулись домой черезъ Кашины. Довольно много народу. Маленькій совѣмъ засыпалъ. У Анюты разболѣлись зубы, мы скоро вернулись домой и провели вечеръ обычнымъ образомъ. По дорогѣ къ Томасамъ послѣ обѣда, зашла къ Св. Марку поклониться Спасителю.

Флоренція 6. Суббота

24

Вышла въ десять часовъ. Начала съ церкви Св. Лаврентія, осмотрѣла часовню

Медицисовъ, которая очень богата и вся выложена мраморомъ съ инкрустаціей драгоценныхъ камней. Вошли въ часовню Микель Анджело, прекрасная статуя Урбина Медичиса, прозванная «мысль». Вся часовня работы Микель Анджело. Четыре статуи и одна недоконченная Божія Матерь. Въ ризницѣ великолѣпная картина Перуджино. Отвратительный запахъ, я думаю, отъ тѣлъ Медичисовъ, которыхъ гробы находятся подъ столами ризницы. Я конечно не сдѣлала этого замѣчанія громогласно.

Пошли во дворецъ Риккарди, чтобы видѣть чудный потолокъ одной изъ залъ работы Луки Джіордани. Оттуда пошли во дворецъ Питти, гдѣ пробыли до третьяго часа. Видѣла работу Кановы, которая не нравится господину Валери. Нѣсколько разъ возвращалась къ Мадоннѣ Рафаеля. Галерея чудесная, я часто посѣщала бы ее. Я такъ люблю эти великолѣпныя картины. Кабы мои бѣдные глаза не такъ утомлялись бы. Получила письмо отъ маменьки*).

*) Варвара Петровна Шереметева, ур. Алмазова.

Слава Богу извѣстія хорошія. Я поэтому цѣлый день въ хорошемъ расположеніи духа.

Надежда на выздоровленіе Великой княжны*) укрѣпляется во мнѣ. Я не надѣюсь на мои молитвы, которыя очень грѣшны, но я надѣюсь на молитвы тѣхъ, которые молились на моей милой родинѣ. Да будетъ Его Святая воля.

Послѣ обѣда мы пошли къ Николинкѣ въ маленькій садъ при гостинницѣ, затѣмъ пошли по магазинамъ шляпъ и въ аптеку. Любезный монахъ продалъ намъ духи. Вернулись домой; я играла на фортепiano, затѣмъ пили чай и пошли спать.

Флоренція 7. Воскресеніе.

25

Пошли къ обѣднѣ въ церковь Благовѣщенія. Затѣмъ зашли въ другую церковь, въ которой былъ праздникъ. Затѣмъ вернулись домой и не выходили до вечера, когда пошли въ Перголу. Давали Норму.

*) Великая Княжна Александра Александровна, старшая дочь Цесаревича Александра Николаевича, † въ 1843 г.

Барбери*) поетъ хорошо, но очень некрасива, остальные довольно безцвѣтны. Вернулись въ одиннадцать, все пили чай; напши визитныя карточки семейства Корніани.

Флоренція 8. Понедѣльникъ.

26

Утромъ посѣтили нѣсколько мастерскихъ; у Поззи, Гау Парисъ и Фавнъ съ Сафо. Великолѣпная статуя Греческаго раба, Эва, которая на окончаніи. Барболини видѣть нельзя, мастерская передѣлывается. Дождь шелъ, когда мы возвращались домой. Послѣ обѣда поѣхали въ Бельгвардо. Съ террасы чудный видъ на Флоренцію. Зашли въ аптеку Санта Марія Новелла. Пили чай и скоро разошлись по своимъ комнатамъ. Видѣли любезнаго аптекаря. У него очень хорошее выраженіе, совсѣмъ симпатичное.

Флоренція Вторникъ 9.

27

Утромъ поѣхали въ виллу Петраія. Прелестный цвѣточный садъ, очень красивый

*) Barberi.

фонтанъ, статуя Венеры, работы Іоанна Болонскаго.

Къ обѣду вернулись домой. Получила письмо отъ маменьки. Хорошія извѣстія кромѣ сообщенія о смерти старушки Исленьевой*). Меня это огорчило. Письма изъ дому на меня всегда дѣйствуютъ благотворно. Утромъ заходила къ А. Корніани. Послѣ обѣда семейство Томасъ насъ посѣтило, прелестныя дѣти. Вечеромъ пошли въ театръ; не дурно, особенно сцена сумасшедшихъ. Вернулись домой въ 11. Корніани были въ напей ложѣ.

*) Дарья Михайловна Исленьева бабушка К. А. Иславина, ур. Комынина, дочь Михаила Васильевича Комынина, бывшаго 30 л. Калужскимъ губернаторомъ въ первой пол. 19-го столѣтія. Комынинъ былъ яркій псовый охотникъ и отличался тѣмъ, что даже ревизію губерніи производилъ въ открытомъ полѣ. Дарья Михайловна Исленьева была женою Михаила Васильевича Исленьева. Комынины свой родъ производили отъ Комнеловъ (!) (со словъ К. А. Иславина). Мих. Вас. Исленьевъ отецъ Александра Михайловича Исленьева, а мать Михаила Васильевича была Екатерина Владиміровна Шереметева—одна изъ многочисленной семьи Владиміра Θεодоровича и Марьи Андреевны Шереметевыхъ. Дарья Михайловна Исленьева похоронена на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

Флоренція 10. Среда.

28

Утромъ отвела Ники къ Томасамъ, пока ѣхали, пошелъ дождь съ градомъ. Играла съ дѣтьми. Потомъ вернулась въ городъ за Анютой и съ ней вмѣстѣ пошли въ музей, который очень интересенъ. Обѣдали, потомъ пошла купить книги и игрушки и до семи часовъ пробыла на дачѣ Каппони. Управляющій показалъ всѣ покупки Томаса. Вечеромъ у насъ были Корниани. Суета съ укладкой. Передъ возвращеніемъ домой зашла въ аптеку за купленными вещами и простилась съ нашимъ добрымъ монахомъ.

Флоренція 11. Четвергъ.

29

Встала послѣ шести часовъ, одѣлась, укладывалась, наскоро напила чаю и пошла осмотрѣть больницу Св. Іоанна. Испугала монаха, который былъ, какъ и всегда, у окна; онъ казался очень доволенъ. Къ нашему удивленію, онъ оказался очень

красивый молодой человекъ. Видны были всегда только его красивые глаза, по остальной части лица издали мы его прозвали ястребомъ. Онъ вблизи не производитъ этого впечатлѣнія. Онъ повелъ насъ въ больницу, въ которой 35 очень хорошо содержимыхъ кроватей. Онъ сказалъ намъ, что онъ докторъ, показалъ намъ восковыя головы своей работы, все время нервно смѣялся. Говоръ у него тосканскій, очень пріятный, эта рѣчь вообще очень мягкая. Мы очень торопились, кареты были готовы и когда настала послѣдняя минута, явилось сожалѣніе, что надо покидать Флоренцію и особенно виллу Каппони. Такъ было весело играть съ дѣтьми. Родители должны вернуться во вторникъ. Ихъ домъ очень красиво устраиваютъ къ ихъ пріѣзду. Мы бѣжимъ отовсюду по недостатку денегъ. Какъ прозаично и холодно такъ скоро покидать такую чудную природу изъ за денежной причины, но что же дѣлать, нельзя поступить иначе. Погода великолѣпная. Проѣзжать черезъ Тосканію точно кататься; все такъ хорошо обработано, что все время

находишься точно въ саду.... Народъ веселый. Всѣ постоянно работаютъ, женщины плетутъ солому. Приѣхали въ Пизу въ четыре часа.

* * *

Наступилъ наконецъ тотъ день, когда нужно было и намъ покинуть Флоренцію. Словно съ старымъ другомъ, связаннымъ прошлымъ многихъ лѣтъ, разставались мы съ этимъ чуднымъ городомъ. Жаль было входить въ вагоны скорого поѣзда, направлявшагося къ Риму, при сознаниі, что мы покидаемъ все то, чего не замѣнишь нигдѣ, чему и подобнаго не можетъ быть даже въ Римѣ.

И рядомъ съ впечатлѣніемъ древней исторической и художественной Флоренціи здѣсь же сознание двухъ міровъ, неожиданно сталкивающихся безъ борьбы. Міръ прошлаго, самаго отдаленнаго, и прошлаго съ востока, въ видѣ загадочнаго и неопредѣленнаго еще народа, и міръ христіанскій,—еще не знавшій раздѣ-

ленія церкви, впервые послѣ долгихъ лѣтъ здѣсь выступающій на свѣтъ Божій. Чудный храмъ завершаетъ здѣсь зданіе, давно и предусмотрительно задуманное и имѣющее нынѣ особое значеніе. Его сооруженію мы обязаны заботамъ и непрестаннымъ трудамъ уважаемаго настоятеля, протоіерея о. Левитскаго.

Церковь наша во Флоренціи, зданіе изящное и дорогое каждому изъ насъ Русскихъ на чужбинѣ, если только не утрачены нами основы, связующія съ родиной самыми могущественными узами. Намъ удалось присутствовать на освященіи одного изъ сооружаемыхъ въ церкви придѣловъ, и отрадное чувство это не изгладится никогда. Странно однако, что примѣръ этотъ — «первый» въ Италіи...

Съ грустью покинули мы свѣтлую Флоренцію.

Во все время нашего тамъ пребыванія не покидала мысль о прошломъ, о тѣхъ присныхъ, которыхъ уже не было съ нами: особенно сильно возобновлялась безпрестанно память о тетущкѣ Елизаветѣ Сер-

гѣвнѣ и о мужѣ ея, здѣсь, какъ на родинѣ проживавшихъ до конца своихъ многострадальныхъ дней.

«Figenze!» одинъ звукъ этотъ уже заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ пережитого и завѣтнаго, разрывъ съ которымъ невозможно и памятью котораго живемъ и понынѣ. Ему обязаны вынесенными въ 1902 г. впечатлѣніями радостнаго восторга и дорогой душевной тишины, испытанными въ этомъ дивномъ городѣ, гдѣ такъ живуче еще поклоненіе идеаламъ красоты и добра, словно подавляющими современныя «утилитарныя», столь сильно вообще господствующія теченія. Это имѣетъ быть можетъ свое неудобство, за то щедро вознаграждаемое здѣсь тѣмъ, что возвышаетъ душу; сильнѣе чувствуется то, что составляетъ «единое на-потребу», и человекъ, согрѣтый видѣніями и вдохновеніями минувшаго, вѣчно юнаго и неувядаемаго, становится воспріимчивѣе и... можно сказать—счастливѣе.

Г. С. Ш.

11 февраля 1903 г.
С. П. В.

RVC-907

Шереметев

5

R 15.286

ВЪ ДОРОГЪ.

ВЫПУСКЪ VI.

РОСТОВЪ ВЕДИКІЙ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1907.

ВЪ ДОРОГЪ.]

ВЫПУСКЪ VI.

РОСТОВЪ ВЕЛИКІЙ.]

ВЪ
РОСТОВЪ ВЕЛИКІЙ
РАСМАТЛЮКОУ

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1907.

Ростовъ Великій.

«Меня, Осударь, вонуть Алешю Поповичемъ
Изъ города Ростова, стараго пана Соборнаго».

Кирилъ Давидовъ.

«Желаю, чтобы новыя поколѣнія обращались къ этому чистому источнику, который глубокъ и свѣтелъ, какъ Волга, когда она только что вылилась изъ земли, и въ немъ можетъ быть зародышь того, о чемъ не гадала поэзія иныхъ племенъ».

Шевыревъ.

«Нужно отъѣхать съ версту отъ Ростова по озеру и послушать звонъ оттуда въ тихую погоду, чтобы понять, что получается изъ Ростовскихъ звоновъ псалти. Гармонія тянется долго, то замирая, то усиливаясь... Въ воздухѣ какъ бы радостся торжественный хоръ необычайно мягкихъ, протяжныхъ аккордовъ. Они мѣняются совершенно неожиданно, и изъ производимыхъ звуковъ составляются какія-то чудныя сочетанія, переполняющія душу полнымъ восторгомъ. Это именно «неземная музыка», и не знаю я, есть ли еще въ Россіи что-либо сходное со звономъ въ Ростовѣ Великомъ».

Смоленскій.

Поѣздъ нашъ пришелъ въ Ростовъ въ 5 часовъ утра, 15 апрѣля 1889 г. Мы отправились прямо въ Соборъ, гдѣ застали конецъ утрени. Церковь была полна. По срединѣ на аналогіѣ лежалъ артосъ, передъ которымъ горѣли свѣчи. Служба

чинная и гѣніе очень хорошее. Раннюю обѣдню служили въ придѣлѣ Св. Исаи, мощи котораго почиваютъ въ лѣвой сторонѣ Собора. Справа на противоположномъ концѣ въ подземной церкви, недавно возобновленной, — Св. Леонтій.

Рядъ могилъ Ростовскихъ епископовъ заканчивается Св. Кирилломъ. Иконостасъ съ прекрасными иконами древняго письма. Весь Соборъ поражаетъ какою-то особою красотой. Не разъ бывалъ я въ этомъ Соборѣ, величественно расположенномъ среди древняго Кремля, и всякій разъ испытывалъ высокое художественное наслажденіе... Помню особенно живо первый пріѣздъ въ Ростовъ въ 70-хъ годахъ. Въ то время еще не пробуждалось сознание необходимости поддержки мѣстныхъ древностей. Бѣлая Палата, нынѣ благоустроенная трудами мѣстныхъ ревнителей старины, въ то время казалась развалиной. Она была завалена мусоромъ. Мы долго ходили по Кремлевскимъ стѣнамъ узкими старинными переходами, осматривали церкви, расположенныя вдоль ограды. Особенно

хороша церковь Іоанна Предтечи съ возвышеннымъ амвономъ и оригинальнымъ иконостасомъ. День былъ ясный и солнечный. Мы шли вдоль зубчатыхъ стѣнъ Кремля, любуясь сквозь стѣнные отверстия на широкое зеркало озера Неро. Виднѣлся противоположный берегъ и въ туманномъ отдаленіи село Порѣчье, славящееся своими огородниками. Общество наше было довольно многочисленно; съ нами былъ незабвенной памяти Графъ А. В. Бобринскій.

Посѣтили мы монастырь Спасо-Яковлевскій, столь дорогой мнѣ по преданіямъ семейнымъ. Сюда любилъ ѣздить дѣдъ Николай Петровичъ и бабушка Прасковія Ивановна, особенно чтившіе память Св. Димитрія. Здѣсь не разъ бывалъ и отецъ. Къ сожалѣнію, монастырь этотъ, красиво расположенный на самомъ берегу озера Неро, мало сохранилъ слѣдовъ старины. Здѣсь, въ холодной церкви, покоится Св. Іаковъ Ростовскій и въ той же церкви на мѣстѣ, имъ самимъ избранномъ, — Св. Димитрій. Подъ серебрянымъ тяжелымъ

навѣсомъ покоятся мощи Святителя, ревностнаго поборника Православія, «звѣзды Россійской, отъ Кіева возсіявшей». Церковь довольно мрачная, иконостасъ XVIII-го столѣтія времянь упадка, воздухъ затхлый и сырой. Съ особеннымъ чувствомъ поклонился я гробу старца о. Амфилохія, когда-то гробоваго монаха, челоуѣка замѣчательнаго святостію жизни. Онъ былъ въ перепискѣ съ дѣдомъ, и сохранилось не мало его писемъ. Тутъ же рядомъ и архимандритъ Иннокентій, котораго еще засталъ въ Ростовѣ А. Н. Муравьевъ. Онъ долгое время былъ Настоятелемъ Яковлевскаго монастыря и пользовался уваженіемъ и извѣстностью. Сношенія о. Амфилохія были обширныа *). Строгость и святость жизни не отдаляли его отъ общенія съ міромъ, и онъ въ этомъ видѣлъ пользу и исполненіе долга. Тому же направленію слѣдовалъ и арх. Иннокентій, оставившій

*) Онъ переписывался съ Графинею Анной Алексѣевной Орловой-Чесменской и положилъ начало тому направленію, которое позднѣе перешло въ крайность—по своему ея увлекательнаго характера.

добрую и незабвенную память во всѣхъ, знавшихъ его. Такими старцами поддерживалось значеніе монастырей. Богомольцы стекались столько для поклоненія мощамъ Св. Димитрія, сколько для духовнаго общенія съ охранителями и блюстителями его преданій. Для послѣднихъ Св. Димитрій помимо святости жизни былъ челоуѣкъ близкій, родной, и они дорожили преемственностію этой связи. Въ этомъ вся сила и ею объясняется жизненность обителей... Къ сожалѣнію не то мы часто видимъ теперь. На одномъ соблюденіи устава и на сухой формальности, безъ общенія духа и безъ сердечной доброты, съ одною заботою о «счетной мудрости», все будетъ бесплодно и мертво. Тутъ не помогутъ ни ученость, ни академическое образованіе. Все же будетъ, «яко мѣдь звѣняща и яко кимвалъ бряцаѣй».

Ростовъ Великій городъ по преимуществу отдаленнѣйшихъ и крѣпкихъ преданій. Святители его издревле славились своими подвигами, своею ученостію и самостоятельностью. Каеэдра Ростовской

митрополіи видѣлялась іерархами дѣятельными и непреклонными. Съ Ростовскими митрополитами нужно было считаться. Таковыми они остались въ XVIII-мъ вѣкѣ. Назовемъ трехъ іерарховъ, между собою не сходныхъ, но знаменитыхъ каждый по своему: будущій Патріархъ Филаретъ Романовъ былъ митрополитомъ Ростовскимъ. Здѣсь прославился сынъ Саввы Туптало — Святитель Димитрій. Здѣсь боролся Арсеній Маціѣвичъ, дерзнувшій противодѣйствовать Екатеринѣ и не усмирившійся даже до темницы, — «Андрей враль», строго осужденный за непреклонность передъ Самодержицей въ вопросахъ, въ которыхъ совѣсть его и убѣжденія расходились съ ея взглядами...

Въ стѣнахъ Ростовскихъ возсѣдала цѣлая Академія. То были выдающіеся дѣятели для своего времени по учености и силѣ.

Ростовскіе бояре считались самыми строптивыми и несговорчивыми. Но въ нихъ держался духъ временъ древнихъ. О нихъ можно было сказать: «Жалость дома Тво-

его снѣсть мя». Изъ такой среды вышелъ боярскій сынъ Вареоломей, прославившійся и просіявшій святостью на всю Россію, основатель и насадитель многочисленныхъ обителей—Пр. Сергій Радонежскій. Лавра Сергіева была оплотомъ и свѣточемъ для всей страны.

Отсюда развивались сила и несокрушимое значеніе нашихъ древнихъ обителей....

Ничто да не коснется ихъ священнаго и незыблемаго основанія. Онѣ вошли въ плоть и въ кровь Русскаго народа. На Западѣ мѣстныя преданія и былины сосредоточиваются въ жизни средневѣковыхъ замковъ и проявляются подвигами рыцарей, ихъ обитавшихъ. Эти замки сдѣлались разсадниками просвѣщенья, отсюда исходили крестоносцы и ревнители распространенія христіанства. Но эти рыцари, вмѣстѣ съ словомъ Божіимъ, вносили мечъ въ тѣ страны, которыя они хотѣли облагодѣтельствовать, силою обращая въ свою вѣру, и свѣтъ Христовъ проповѣдывался здѣсь не словомъ мира, а сѣменемъ вражды

и крови. У насъ на Руси не было замковъ и рыцарей; но и мы богаты преданіями, сказаніями и былинами. И у насъ были центры просвѣщенія и умственной жизни, но они же были центромъ высокихъ подвиговъ молитвы, смиренія и труда. То были наши многочисленныя обители, сослужившія великую, незабвенную службу отечеству. Отсюда распространилось слово Божіе, но не огнемъ и мечомъ, а дѣлами добра и милосердія. И мы богаты поэтическими образами, сохранившимися въ памяти народной..... Да будетъ имъ память во вѣки вѣковъ и неувядаемая слава! Такъ сложилась, окрѣпла и сдѣлалась могучею Свято-русская земля, и живетъ она понынѣ духомъ этихъ истинныхъ Собирателей, безъ которыхъ иные оффиціальныя собиратели были бы безсильны. И крѣпко живетъ еще это сознаніе въ народѣ русскомъ, и намъ ли стануть говорить, что время измѣнилось, что все это отжило?...

Духъ Преп. Сергія вселился въ многочисленныхъ учениковъ его, и слѣдую при-мѣру его, они разошлись во всѣ концы,

созидаю обители, и слава ихъ подвиговъ росла, и вся Русь озарилась «духовнымъ свѣтомъ», а Государство извлекало свою пользу изъ твердынь духовныхъ, облекая ихъ неприступными стѣнами и исполинскими башнями.....

Мнѣ особенно памятна одна такая обитель. Въ глуши ярославскихъ лѣсовъ, въ 18 верстахъ отъ Ростова, доселѣ процвѣтаетъ и красуется древній монастырь Борисоглѣбскій. На берегу рѣки Устья возвышаются вѣковыя стѣны его и башни, дѣйствительно исполинскія. Самое отдаленіе его послужило ему въ пользу. До него не коснулась невѣжественная рука богатыхъ благотворителей, столько обезобразившихъ на Руси памятниковъ древнихъ. Васъ поражаетъ впечатлѣніе этого монастыря, столь богатаго сохранившимися чудными образцами нашего древняго зодчества. Двойныя среднія ворота съ двойными башнями поразительно хороши. Вы входите въ ограду, и передъ вами широко раскинулась обитель: церкви красуются одна передъ другой разнообразіемъ искусства и изо-

билиемъ изразцовыхъ украшеній. Но еще болѣе поражаютъ васъ живыя преданія о славномъ подвижникѣ и основателѣ ея Св. Иринархѣ. Тяжелыя вериги лежатъ на ракъ Преподобнаго; съ трудомъ можно поднять ихъ. Это вериги Св. Иринарха. Страннѣе всего встрѣтить въ Соборѣ Польское знамя. Это знамя Петра Сапѣги. Присутствіе его въ монастырѣ Борисоглѣбскомъ объясняется знаменательнымъ событіемъ въ житіи Св. Иринарха. То былъ одинъ изъ тѣхъ «поборниковъ Русской земли», которыми, по милости Божіей, земля наша не оскудѣвала. Онъ шелъ по стопамъ великихъ учителей и жилъ ихъ духомъ. Пр. Сергій Радонежскій, Св. Кирилль Бѣлозерскій и подобные имъ, великіе угольники русскіе, были наставниками и руководителями его. Спасаясь въ пустынь, усовершенствуя себя въ трудахъ и бдѣніяхъ подвижничества, принимая странныхъ, помогая болящимъ, распространяя вокругъ себя дѣла милосердія и подкрѣпляя унывающихъ,—онъ въ то же время, какъ и Великій учитель его Пр. Сергій, не забывалъ своей родины и въ

годину испытанія сослужилъ ей свою великую и незабвенную службу.

Онъ появлялся неожиданно въ Москвѣ въ самый разгаръ Смутнаго времени, онъ торопиль и благословлялъ князя Пожарскаго и рать его на походъ къ освобожденію столицы.... Онъ въ своей обители безбоязненно высказывалъ окружавшимъ его Полякамъ и самому Сапѣгѣ горькую правду и указывалъ имъ «путь отъ себя». И Сапѣга, пораженный сильнымъ словомъ его и видя его безстрашіе, рѣшилъ для огражденія его отъ возможнаго насилія Поляковъ отдать ему своезнамя — залогомъ выраженного ему уваженія *) (таково мѣстное преданіе).

И теперь съ любовію и благословеніемъ поминаетъ его братія монастырская. Не забуду впечатлѣнія той участливости,

*) Въ то-же Смутное время другой Св. старецъ Галактіонъ, въ мірѣ князь Гавріиль Бѣльскій, послѣдній въ погубленной Грознымъ и злополучной семьѣ, былъ убитъ Поляками. Въ ранней молодости онъ былъ скрытъ и подь чужимъ именемъ проживалъ въ Старицѣ, потомъ въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, на Кубенскомъ озерѣ.

съ которою показывали мнѣ сохранившіеся слѣды его подвиговъ. Видно было, что и понынѣ житіе его служить назидательнымъ чтеніемъ и руководствомъ. Мнѣ показывали тѣсный затворъ Преподобнаго, у самой стѣны наружной, на глубокомъ скатѣ оврага. Теперь, снаружи этой стѣны, поставлена икона и горитъ лампада. Нынѣ же вокругъ монастыря разросся цѣлый посадъ, на берегу Устья. Быстро и съ шумомъ протекаютъ воды ея черезъ мельничныя огражденія. Кругомъ лѣса и тянутся они въ глубь Ростовскаго и Угличскаго уѣздовъ. Отсюда не болѣе 10 верстъ до нашего села Воцажникова. Раннею весною этого года ѣхалъ я туда и торопился добраться засвѣтло. Начинало смеркаться, когда за мною осталась обитель Борисоглѣбская. Издали оглянулся я еще разъ на эту дѣйствительно величественную твердыню. Бѣлокаменные исполинскія стѣны и башни отходили въ даль... Это цѣлая Лавра, во истину преславная и преименитая обитель Борисоглѣбская!...

Ростовъ Великій съ перваго посѣщенія

оставляетъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и оно не умаляется, а растетъ съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ. Таинственное и гладкое озеро Неро придаетъ ему особую жизнь и строгую содержательную красоту. Мы плыли по этому озеру на своеобразной мѣстной рыбацкѣй лодкѣ, совершенно округленной, съ мачтою для паруса. Съ озера видъ на Ростовъ съ его Кремлемъ, соборомъ, монастырями и многочисленными церквами—поразительно хорошъ. Какъ бы на стражѣ его, у самага берега озера, съ противоположныхъ концовъ возвышаются монастыри Спасо-Яковлевскій и Аврааміевъ. Еще далѣе виднѣется монастырь Св. Петра Царевича-Ордынскаго. Не хотѣлось уѣзжать изъ Ростова, не побывавъ въ этихъ монастыряхъ. Послѣдній производитъ впечатлѣніе пустынное. Все спитъ, какъ будто кругомъ его все заглохло, и братіи какъ будто нѣтъ, и мало признаковъ жизни, но еще не заросла тропа богомольцевъ, и смиренная «бродячая Русь» кладетъ свой крестъ съ поклономъ передъ раками угодниковъ, изъ

года въ годъ, отъ столѣтїя къ столѣтїю, отъ временъ стародавнихъ.....

Забытъ ли колокольный звонъ Ростовскій? «Я слышалъ,—говоритъ С. В. Смоленскій въ своей воодушевленной статьѣ о колокольномъ звонѣ,—чудесный органъ Ростова Великаго, обладающаго несравненною звонницею; здѣсь созвучные подобранные большіе колокола: на озерѣ отъ нихъ звонъ въ небѣ, который, кажется, только и можно сравнить съ торжественнымъ величіемъ Сѣвернаго сіянія» *).

Передъ выѣздомъ изъ Ростова заѣхалъ я въ Песочное, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, за Яковлевскимъ монастыремъ, также на самомъ берегу Неро. Большая шоссеиная дорога на Москву проходитъ мимо церкви. Около нея нѣсколько домовъ. Это даже не деревня, а словно уединенный погостъ. Близко подходитъ къ нему озеро, и видъ изъ Песочнаго особенно хорошъ на Спасо-Яковлевскій монастырь.

*) Смоленскій. «О колокольномъ звонѣ въ Россіи». Спб. 1907.

Церковь поддерживается на средства, завѣщанныя дѣдомъ. Въ ней сохранилось нѣсколько иконъ, принадлежавшихъ о. Амфилохію и имъ пожертвованныхъ. Церковь эта была близка моему дѣду. Въ Синодикѣ ея онъ поминается доселѣ и родъ его.

Когда-то и земля эта принадлежала монастырю, и здѣсь, какъ говорятъ, были конюшни монастырскія и огороды. Болѣе я ничего не могъ узнать ни отъ священника, ни отъ мѣстныхъ жителей. Сохранилось другое преданіе, будто здѣсь дѣда и бабушку Прасковью Ивановну понесли лошади, и они въ память своего спасенія соорудили церковь. Но все это не ясно и не опредѣленно. Въ духовномъ завѣщаніи гр. Николая Петровича о Песочномъ упоминается, и видна особая забота его о поддержаніи этой церкви *).

*) Въ настоящее время содержаніе церкви въ Песочномъ обезпечено процентами съ капитала благотворительнаго, принадлежащаго Попечительству при церкви В. М. Варвары въ С.-Петербургѣ, и тѣмъ исполненъ завѣтъ гр. Николая Петровича.

Изъ Песочнаго проѣхали мы прямо въ
Вощажниково по новому шоссе. Поздно
вечеромъ прибыли мы на мѣсто и помѣ-
стились въ старомъ домѣ, уже знакомомъ
мнѣ по первой моей поѣздкѣ...

Г. С. Ш.

Михайловское,
16 апрѣля 1907 г.

RVC-907
Шереметевъ
6.

R 12.523

RVC - 907

Шереметев

6.

R 12.523